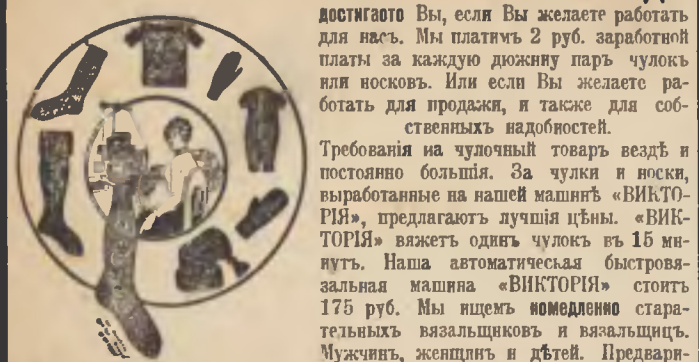


Руководство для ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ.
Постоянный крупный заработокъ. Цена руководства съ перес. натеб. плат. 2 р.
Адрес: Москва, над-ству „ЛУЧЪ“, отд. 2.

При ГОНОРРЕЪ
въ острой и хронической формѣ и **ТИЗЕРИНЪ**
послѣдствіяхъ ея иривѣляется
Д-ра мед. Гороховской Для внутренняго употребл. Тизеринъ
совершенно безвреденъ. Цена 1 од. флак. или короб. капсуль 2 р.
25 к. Двойного 4 р. Адресъ: Д. ру Гороховской, Москва, Далеко пер.
1-28, кв. 3, отд. 90. Отпускается безъ рецептовъ врачей.

КРУПНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ



достигаю Вы, если Вы желаете работать
для насъ. Мы платимъ 2 руб. заработной
платы за каждую дюжину паръ чулокъ
или носковъ. Или если Вы желаете ра-
ботать для продажи, и также для соб-
ственныхъ надобностей.
Требованія на чудотворный товаръ вездѣ и
постоянно большія. За чулки и носки,
выработанные на нашей машинѣ «ВИКТО-
РИЯ», предлагаютъ лучшія цѣны. «ВИК-
ТОРИЯ» вяжетъ одинъ чулокъ въ 15 ми-
нутъ. Наша автоматическая быстрова-
зальная машина «ВИКТОРИЯ» стоитъ
175 руб. Мы ищемъ немедленно стара-
тельныхъ вязальщицъ и вязальщицъ.
Мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предварі-
тельныхъ знаній не требуется. Работаніе не служитъ препятствіемъ.
Заработокъ—гарантированъ. Работа—постоянная.
ТРЕБУЙТЕ нашъ бесплатный проспектъ.
ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИИЪ
ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и Ко.
Петроградъ, Невскій пр., д. 40/42—11 в.
Лондонъ, Е. С. 114, Leadenhall St.

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

СПЕЦІАЛЬНАЯ КАРТА ТУРЕЦКАГО ТЕАТРА

ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

(Россія, Великобританія, Италія, Турція, Румынія, Греція, Болгарія
и Персія).

Съ картами: 1) Константинополь и его предмѣстья, 2) карта всей Турціи
и 3) Босфорскій проливъ.

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ
всѣхъ (около 10.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ
на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстоименій маждого названія.
Въ 6 красокъ. Размѣръ 82×134 сант., въ масштабѣ 40 верстъ
въ дюймѣ.

Подъ редакціей проф. Ю. М. Шокальского.

Цена съ пересылкой два рубля.

ПАТЕНТЫ

(привилегіи)
НА ИЗОБРЕТЕНІЯ.

Утвержд. фабр. марокъ и моделей.

ИНЖЕНЕРЪ
Д. М. ЛЕВЕНШТЕЙНЪ,
Петрогр., Новосіи, 65. Тел. 48-94. Сущ. 1901.

ПАМЯТЬ укрѣпляетъ ЗА-
ОЧНО профессор
ином., Чл. Париз. Акад., С. Файн-
штейн, ОДЕССА, Ршвел., 54/28.
Практик. в Россіи уже бол. 20 л.
съ больш. успѣх. (см. № 4 „Нивы“
пр. л.).—Присл. вмс. за 10 н. мар.

УРАЛЬ ЗОЛОТОЕ ДНО.

Громадный выборъ изящныхъ вещей въ
золотѣхъ вещей съ настоящими Уральскими
камнями у фирмы

„ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ“
К. А. Насоновой
въ Екатеринбургѣ.

Иллюстрированный пр.-кур. вмс. безплатно.
Фирма сущест. съ 1892 г.

Продолжается изданіе на недѣльный съ
ВЫСОЧАЙШАГО СОЗВОЛЕНІЯ
Листокъ для войскъ и народа:

„ВОЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ“

Въ этомъ листѣ общепонятнымъ языкомъ
обсуждается весь ходъ нынѣшней Великой
войны, и также выясняются тѣ пѣли, въ
достиженію которыхъ стремится каждая изъ
воюющихъ державъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ
листочкѣ описываются выдающіеся боевые
подвиги офицеровъ и нижнихъ чиновъ на-
шей арміи и обрисовывается въ общихъ
чертахъ жизнь войскъ на передовыхъ пози-
ціяхъ, а также тѣ событія внутри Россіи,
которые имѣютъ тѣсную связь съ войною.
Листокъ выходитъ въ форматѣ большаго
газета 3 раза въ недѣлю. Подписная плата
съ 1-го января 1916 г. во 1-е января 1917 г.
2 р. 50 к., съ 1-го января по 1-е июля
1916 г. 1 р. 25 к. Подписка принимается
въ конторѣ Военной Лѣтописи, Петроградъ,
Книжный магазинъ Гл. Штаба.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1916 г.

на ежемѣсячный богатъ
иллюстрированный 16-ти
страничный журналъ

„ФИЛАТЕЛІЯ“

(годъ изд. 3-й).

Единственный специаль-
ный органъ въ Россіи,
посвященный вопросамъ коллекционирования
марокъ.

Всѣ новости филателии находятъ немедленное
отраженіе въ журналѣ

Подписная годовая плата, 2 руб. съ до-
вѣчной преміей, и версией ловамъ въ Россіи.

Годовые подписчики, высланные 2 руб.,
почтов. переводомъ
или погашенными рус-
скими почтов. мар-
ками, получаютъ

БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ
состоящую изъ трехъ
альбомныхъ марокъ,
стоимостью по вѣста-
то-
Фр. 4.75

но инбору редакціи.

Подписку адресовать: МАГАЗИНУ МАРКЪ
Э. ЭЙХЕНТАЛЬ,
Петроградъ, Невскій, 40/42.

ЖИЗНЬ

1916 г. № 13

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г. изданія

Выходитъ 26-го марта 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Жизни“ принимаются по стѣдующей цѣнѣ за строку въпрямую въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницъ): передъ
1 р. 75 к. на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к. Къ этому № прил. „Соч. Маминъ“ кн. 21 и карта зап. (русского) фронта.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Освобожденный отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ

Государственный ВОЕННЫЙ КРАТКОСРОЧНЫЙ ЗАЕМЪ выпуска 1916 г.,

выпускаемый на основаніи ВЫСОЧАЙШАГО УКАЗА,

НА НАРИЦАТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛЪ

2.000.000.000 рублей,

двумя серіями по 1.000.000.000 рублей каждая.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ 5 1/2% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 1-го февраля и 1-го августа. Всѣ облигаціи займа будутъ погашены 1-го февраля 1926 года.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, а равно въ обезпеченіе разсрочиваемаго пла- тежа акциза и таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Ми- нистромъ Финансовъ.

Держателямъ облигацій сего займа будетъ предоставлено право обмѣнять имѣющіяся у нихъ облигаціи на облигаціи Государственныхъ займовъ того же или болѣе продолжительныхъ сроковъ, могущихъ быть выпущенными внутри Имперіи въ теченіе 1916 г., причемъ въ уплату по новымъ займамъ будутъ приниматься облигаціи настоящаго займа по ихъ выпускной цѣнѣ.

Такимъ образомъ заемъ сей выпускается совершенно на тѣхъ

(См. на оборотѣ).

ОДНА КОРОБКА
НАСТОЯЩИХЪ
PASTILLES VALDA
(Лепешекъ Вальда),

правильно и во-время примѣненныхъ,
ПРЕДОХРАНИТЬ

Васъ отъ простуды, кашля, насморка.

НО ГЛАВНЫМЪ ОБРАЗОМЪ

ТРЕБУЙТЕ

во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ

НЕПРЕМѢННО

НАСТОЯЩІЯ ЛЕПЕШКИ ВАЛЬДА

(PASTILLES VALDA)

ВЪ КОРОБКАХЪ

съ красной бандеролью,

снабженныхъ

иснемъ

VALDA

(H. Caponne, Paris).

же условіяхъ, кромѣ сроковъ купоновъ, какъ и предыдущій 5^{1/2}% военный краткосрочный заемъ 1915 г.

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься:
въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
въ Частныхъ коммерческихъ банкахъ:

Волжско-Камскомъ Коммерческомъ,
Петроградскомъ Международномъ Коммер-
ческомъ,

Русскомъ для Внѣшней Торговли,
Петроградскомъ Учетномъ и Ссудномъ,
Русско-Азіатскомъ,
Азовско-Донскомъ Коммерческомъ,
Русскомъ Торгово-Промышленномъ,
Сибирскомъ Торговомъ,
Петроградскомъ Частномъ Коммерческомъ,
Русско-Французскомъ Коммерческомъ,
Петроградскомъ Торговомъ,
Русско-Англійскомъ.

Московскомъ Купеческомъ,
Соединенномъ,
Коммерческомъ Банкѣ И. В. Юнкеръ и К^о,
Московскомъ,
Московскомъ Торговомъ,
Московскомъ Частномъ Коммерческомъ,
Московскомъ Учетномъ,

Московскомъ Народномъ,
Коммерческомъ въ Варшавѣ,
Кіевскомъ Частномъ Коммерческомъ,
Союзномъ Банкѣ (въ Петроградѣ),
Рижскомъ Коммерческомъ,
Ростовскомъ и Дону Купеческомъ,
Тифлискомъ Коммерческомъ,
Тифлискомъ Купеческомъ,
Петроградскомъ Обществѣ Взаимнаго Кре-
дита

и въ баннирскихъ конторахъ и домахъ:

Бр. Дзамгаровыхъ, въ Петроградѣ и
Москвѣ,
Лампе и К^о, въ Петроградѣ,
Э. М. Мейеръ и К^о „
Маврикій Нелькенъ „
Г. Волкова съ С-ми, въ Петроградѣ и
Москвѣ,
М. Ашкенази, въ Одессѣ.

съ 15-го марта

по 22-го апрѣля

с. г.

включительно.

въ Казначействахъ (постоянныхъ),
въ Городскихъ общественныхъ банкахъ и въ Обще-
ствахъ взаимнаго кредита,

въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
въ Учрежденіяхъ мелкаго кредита и
въ полевыхъ Казначействахъ

съ 15-го марта
по 13-го мая с. г.
включительно.

Подписная цѣна назначается въ 95%, съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 1-го февраля с. г. по день уплаты.

Лица, желающія оплатить облигаціи на всю подписанную ими сумму, производятъ уплату въ самый день подписки.

Лицамъ, подписавшимся на заемъ въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, въ частныхъ коммерческихъ банкахъ и общественныхъ банкахъ на сумму свыше 500 рублей, а въ Казначействахъ, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ, обществахъ взаимнаго и учрежденіяхъ мелкаго кредита свыше 300 руб.,—уплата можетъ быть разсрочена, съ тѣмъ, чтобы 50% подписной номинальной суммы облигацій займа были оплачены въ самый день подписки, а остатокъ 50%—не позднѣе 13-го мая.

Лица, подписавшіяся въ разсрочку, вносятъ одновременно съ оплатой 50%-въ подписной суммы, также залогъ въ размѣръ 5% съ номинальной суммы оставшихся неоплаченныхъ облигацій. Этотъ залогъ можетъ быть внесенъ наличными деньгами или % бумагами.

Предварительныя заявленія о подпискѣ и уплатѣ денегъ могутъ быть принимаемы въ тѣхъ же мѣстахъ со дня опубликованія сего объявленія.

НИВА

№ 13. Выходитъ ежедн. (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кв. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-НОСТРА, 12 кв. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 № „Новѣйшихъ модъ“ в 12 ласт. черт. и выкр. Выходитъ 26 марта 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к. съ перес. 20 к. Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1916 г.

Верденъ.

Рядами труповъ у Вердена
Лежатъ германскіе полки,
Какъ обезсиленная нѣна,
Скалой разбитая въ клочки.
И близокъ день—стальные узы
Надолго сброситъ міръ земли.
Тому порукою—французы,
За братьевъ ставшіе стѣной.
Что день—страшнѣй единоборство.
Но сила доблести живой
Крушитъ германское упрство,
Какъ молотъ тяжко роковой.
Форты, окрашенные кровью,
Какъ ребра острия, торчатъ.

И надъ землей кровавой новью
Повисъ клубами сѣрный чадъ.
Въ тоскѣ и жаждѣ небывалой
Жестокій обезумѣлъ врагъ
И заливать кровью алой
Ручей и ниву, и оврагъ.
Но гаснутъ яростныя силы
И дерзновенныя мечты.
И все растутъ, растутъ могилы
И водруженіе кресты.
Да! Наступаетъ часъ раслаты,
И этотъ часъ благословенъ,
Когда вступитъ, закованъ въ латы,
Въ борьбу всемірную Верденъ!

Яковъ Годиный.



Русь поднялась. Картина В. Берингера. (XXXV выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ 1916 года).



Рассказ.
Л. Добровраова.

С. Ил. Чарковна



Взглянул тогда своими сияющими глазами в быстро-пулывшие, черные глаза ребенка и, поглажив его по голове, промолвил в грядущие дни:

Оплатит сердце твое великая скорбь, но мукайеи, ибо Господь неоплатит ее.

Прозорливцем, называли игумена среди людей; был у него дар вглядеть судьбу человека; словно незримая хартия развернута была пред очами его.

Тетка, образованная, ушла к себе в деревню и через мѣсяц послѣ этого скончалась. Власть же остался в монастырѣ, на игуменском попеченіи. Опредѣлить его игуменъ въ иконописную заставилъ онъ, съ какими радостными вниманіемъ, събѣдить мальчикъ и за теченіемъ въ небѣ ясною свѣтлыхъ измѣничивыхъ облаковъ, и за быстрымъ летомъ птицъ, за ярко-пестрыми одеждами цвѣтовъ, за веселою игрою солнечнаго луча на темномъ золотѣ древняго иконостаса.

Власть помогать иконописцамъ, писавшимъ святыхъ иконы, въ трудѣ ихъ, научаясь тонкому искусству рисунка, постигая сокровенныя тайны воздушной перспективы и сѣщенія красокъ; перенялъ умѣние чеканить червоннымъ золотомъ витой византийскій узоръ, замыкавшій съ четырехъ сторонъ изображенія святыхъ, преподобныхъ, мучениковъ и архангеловъ.

Немного лѣтъ прожилъ Власть въ монастырѣ, а въ новой большой церкви, воздвигнутой издѣніемъ купца первой гильдіи Николая Панкратова въ честь зиннаго Николая, повѣсили на правой стѣнѣ писанные Властью: святого благовернаго великаго князя Александра Невского, съ готовою непокорною, въ аксамитномъ плащѣ малиноваго цвѣта, въ плащѣ великокняжескомъ, отороченномъ бѣлоснѣжнымъ горностаемъ, въ золотыхъ воинскихъ доспѣхахъ, блиставшихъ, какъ рыба чешуя, и образъ архіепископа Константинограда, святого Іоанна Златоустаго, съ десницею благословляющею.

И дивился старшій игуменъ, и дивились всѣ трепетной живости изображеній, яркости красокъ, тонкости работы и небесной святости линий, благоговѣнно переданной мощными живописцемъ.

Съ восхода солнечнаго и до вечерней алой зари работалъ Власть въ огромной, свѣтлой иконописной. Старшій игуменъ, заходя въ мастерскую и глядя на работы его, радовался.

Работай, Власть, трудись для Господа! Пождемъ еще мало времени, и пошлю я тебя въ Санктъ-Петербургъ. Тамъ для всякихъ честныхъ художествъ устроена нарочитая академія. Въ оной поучившись, ты станешь живописцемъ преспѣвающимъ, на украшеніе обители, воспитавшей тебя.

Игуменъ любилъ живопись, илліе церковное, цвѣты и животныхъ. Множество разныхъ цвѣтовъ вырастилъ онъ въ саду своихъ игуменскихъ покосовъ, самъ каждое утро и каждый вечеръ поливая и выпалывая сорняки травы. Голуби ухаживали его, саж-

лись на плечи, ходили воать его ногъ по землѣ, а онъ, разбрасывая зерна пш., улыбаясь, какъ престарѣлый отецъ, улыбается дѣтямъ своимъ. Въ кельѣ его стояло множество цвѣтовъ, и на столахъ, стульяхъ, на полу даже лежали книги. Желтенькая канарейка пѣла свои пѣснурки, простыя пѣсни. Здѣсь Власть научился грамотѣ; здѣсь же по вечерамъ вслухъ читалъ онъ игумену писанія святыхъ и преподобныхъ объ иноческой жизни, называемыя „Добротолюбіемъ“.

Вырастая Власть подъ игуменскимъ попеченіемъ. Было ему поемнадцатъ лѣтъ. Ничто въ немъ не напоминало зеленое дѣтство, тогда и худаго заморыша, ни широкая грудь, выпуклая и твердая, ни черныя, съ блескомъ, волосы, потокомъ струившіеся по плечамъ, ни взоръ, мужественный и острый, ни голосъ, отличный словно изъ дорогаго звонкаго золота, ни черная борода, шелковистыми тоненькими колечками покрывавшая алыя, непорочныя, будто дѣвчьи, щеки.

Правомъ Власть былъ тихъ и неалобенъ; всегда будто внимаешь чему-то. Какъ выросъ онъ, слышать сталъ неслыханный голоса, ловящіе его по имени. Прислушается—нѣтъ ничего: почувдилось. Немного времени пройдетъ—опять зовутъ тихо: „Власть!“ И всегда голова его наклонена была набокъ, слушать.

Научаясь твердымъ правиламъ иноческаго житія, беспрестанно пребывая въ трудѣ и усердіи молится о грѣхахъ своихъ и о грѣхахъ того невѣдомаго міра, что окружаетъ подножіе монастырской горы и папьями евоими, сѣнами, огородами и дѣсомъ тянулася въ далекія, снѣговатая дали... Міръ этотъ весь во злѣ лежалъ, по слову апостола, и съ жаждою, страхомъ и тайной любовью къ нему глядѣлъ Власть на дымокъ, синими струйками вившіеся надъ низу лежащими сѣнами, съ тревогою слушалъ мірскія пѣсни крестьянъ, долетавшія до монастырскихъ воротъ.

Во время цвѣтенія деревъ сталъ Власть испытывать томленіе духа, сладкимъ дурманомъ вползавшее въ мысли его; въ страхѣ онъ думалъ, что это дьяволъ нѣсть поработить его себѣ, и до солнечно-яркихъ вешнихъ утръ во шѣ короткія, благовоинныя ночи стоялъ на молитвѣ, крѣпко сжавъ сильныя свои руки, неотступно глядя на ликъ, золотомъ свѣявшій въ ларенномъ мерцаніи лампады, а въ открытое окно нахлывали изъ сумеречной темноты тустыя ароматныя волны сладко цвѣтущей сирени и одиноко поющій среди ночи мѣлкій, протяжный голосъ колокола, возвѣщающій обители и окрестнымъ селамъ ночные часы.

И чей-то голосъ призывать Власть.

Наутро, послѣ ночного бодрствования, онъ хранилъ въ иконописной безмолвіе, суровъ былъ и задумчивъ, и только вѣрная и крѣпкая рука, водившая кистью, выдавала смятеніе духа.

Сосѣдь его по иконописной, долговѣкій послушникъ Федоръ, сидя съ кистью въ рукѣхъ передъ лагунтованной кипарисной поклою, на какихъ писали образа, сиранивалъ, поворачивая въ Власть свое острокосое, темными веснушками обрызганное лицо:

— Не захворалъ ли чахомъ, спаси Господи!

Другой же послушникъ, Гервасій, мотая рыжонкой бородашкой, ухмылялся и говорилъ, словно чавкать во рту чѣмъ-то вязкимъ и клеккимъ:

— Онъ-то? На игуменскихъ харчахъ? Пить, какой сладкій! Не зацвѣнулъ!

— И... кто тебя трогаетъ, въ случаѣ чего? — Федоръ свои руки на груди складывалъ. — Но... не спрашиваютъ, не тебѣ спрашивать? Помолчи, въ случаѣ чего!

Видишь изъ искусствъ своею иконописномъ, не пошелъ дальнѣе

скобленія грязныхъ палитръ, загроутовки досокъ и мытья кистей въ скнидарѣ. Ничего онъ изобразить не умѣлъ, и когда принимался писать, лица выходили коричнево-зеленыя, деревья — бурья и грязныя, и вмѣсто благодѣи иконописнаго получался только соблазнъ. Отъ этого Федоръ много скорбѣлъ: слышалъ ли онъ отъ кого-нибудь, или такъ просто придумалось ему въ горькія минуты его незадачливости, — вѣрилъ онъ, что въ Петербургѣ есть такая „Живописная книга“, гдѣ все прописано, все до послѣдняго: сколько и какихъ красокъ для лицъ, какія смѣшивать краски для деревьевъ и растений, что-бы кистямъ придать подлинный цвѣтъ, какъ риговать очи святыхъ и архангеловъ, небеса съ облаками, и яркое солнце, и мѣсяцъ хрустальный, и свѣтлыя звѣзды, пурпуръ царскихъ порфиръ, складки одежды многоцвѣтныхъ и златокованную парчу епископскихъ облачений.

Часто Федоръ говорилъ Власть:

— Какъ пошлетъ отецъ игуменъ тебя въ академію, разузнай все о „Живописной книгѣ“ и, буде недорого стоить, пришли, а ежели денегъ не хватитъ — переписи. Христа ради, хоть насчетъ ликовъ. Больно въ ликахъ-то я загроуновалъ, въ случаѣ чего.

И лицо его, небольшое, худое, темными веснушками обрызганное, свѣдилось, словно бѣлье дѣлалось и чище.

И.

Какъ въ плоть заводился червь, побѣдая сердцевину, такъ точка тайно вошла въ душу Власть и поселилась въ ней. Самъ не зная о чемъ тосковать Власть. Глаза его потухли, какъ обгорѣвшіе уголья, плечи опустились. Старому игумену рассказать онъ о тоскѣ своей неспонятной, проси научить, что дѣлать. По-молча, игуменъ отвѣтилъ:

— Преодолей себя! Если не продолжишь — вынешь въ на-насть.

И больше ничего не сказалъ.

Чувствовалъ Власть: давила его сита. Камни бы ворочать, деревья въ лѣсу выкорчевывать, рубить бы что — только бы тоску отогнать: не могъ работать, днемъ солнце не радовало, ночью же подступали тайные страхи.

Передъ вечеромъ раль позвалъ его Федоръ въ монастырскіе дѣла заливные: сѣнокосъ былъ.

Помчалъ и Власть, но, идя, молчалъ всю дорогу, не понимая погов.

Сладко и крѣпко нахло въ вечернемъ воздухѣ свѣже-скошенныя сѣно: рыданы лежало оно, какъ сѣзала коза. Съ одного края ряды сѣна подохли уже, и послушники дружно стребали его въ невысокія конны.

Федоръ хотѣлъ поговорить о принятіи для Власть — объ академіи той, куда хочетъ игуменъ послать его. И ужаснулся, когда услышалъ:

— Не бѣжать бы мнѣ вовсе!.. Боюсь я чего — самъ не знаю. Взялъ бы да что-нибудь сдѣлать... Э-эхх!

Съ мумутившимся взоромъ быстро нагнулся онъ и, схвативъ крѣпко плечи, лежавшія у скошенной полой, перемолить ихъ съ трескомъ надвое и такъ быстро, словно не были держали онъ въ рукахъ, а тоненькій карандашникъ, такъ легко хрустнулъ онъ.

Всю дорогу обратную не разомкнувъ онъ, надухо закрытыхъ челюстей, Федоръ боялся сиронить и робко поднималъ на темное лицо его.

Съ этого вечера млѣнился Власть въ лицѣ. Сошла краска съ щекъ, глаза загоннули въ темныхъ орбитахъ.

Въ длительные часы ночного бодрствования думать онъ началъ образъ Спасителя, идущаго на утренней зарѣ по узкой тропинкѣ, между травъ и бѣлыхъ лилій, покрытыхъ еще каплями ночной росы. Не отходя, работалъ онъ въ иконописной — бросалъ вдругъ въ самомъ началѣ.

Сидѣлъ, опустивъ руки на колѣни и глядя въ стѣну, въ окно, а губы сжаты, и межъ бровей двѣ темныя, глубокія морщины. Ходилъ одинъ въ монастырскомъ саду, нагнувъ низко голову



Къ разсказу „Крестъ“. ...Пала въ ноги игумену и, плача, просила принять мальчонку.

и бородашкой касаясь груди, и все думать. И за церковными службами стоялъ каменный, свѣтивъ у груди наплывы. Одернуть его — не сразу опомнится.

По праздникамъ все среди нищихъ бродить, говори съ ними, и умышлять разъ Федоръ отъ него:

— Въ пишемъ видѣ спасеніе души, въ голодѣ, холодѣ, въ руднѣ. А мы согрѣты, обуты, одѣты... Гдѣ тутъ!.. Тяжести на насъ нѣту.

Пришелъ къ игумену и, упавъ ницъ, попросилъ:

— Благословите въ древоковы, на послушаніе.

Игуменъ главою понылъ.

— Себя смирать!

— Смирать, — въ землю глядя, отвѣтилъ Власть.

Берегись искушеній, сынъ мой! Гордыня изъ смиренія произрастаетъ.

Вздохнувъ, благословилъ его и, отпуская, положилъ руки на голову ему.

— „Но Самъ мя заступи и спаси, Спасе мой!“ — Помни, сынъ мой!

Двѣ слезы, тяжелыя и большія, упали изъ глазъ Власть: такъ черная, дымящая туча скупо роняетъ капли дождя, низко и тяжело проползая надъ землею.

Федоръ обомлѣлъ, упавъ отъ Гервасія о новомъ послушаніи Власть. Вѣрилъ не хотѣлъ, что оганется иконописанъ безъ него, и побѣжалъ на черный дворъ, гдѣ коюли дрова.

Безъ подряженка, по локоть загучивъ рукава бѣлой сорочки, яростно замахиивалъ Власть тяжелымъ сверкающимъ на солнцѣ, горюхомъ, и послѣ каждаго замаха раздавался трескъ, легкій въ началѣ и тустой и замедленный въ концѣ потѣна, и надвое раскололся, падали въ стороны дрова, а Власть разсѣкать новыя и пония потѣныя, одно за другимъ, и лицо его, въ поту, было сумрачно, точно не простое деревянное поленце, а врага своего исконаго и досадителя рабубать онъ, такъ тяжело и снѣно и сурово замахиивать онъ топоромъ, и такимъ гнѣвомъ блистали глаза его.

Федоръ ничего не сказать, слова не проронилъ; поглядѣлъ, постоялъ, вздохнулъ иронично: „помогай, Господи“, и понору, въ печали побрѣлъ въ иконописную. Плакать ему хотѣлось: пропала надежда на „Живописную книгу“.

Въ свѣтлой мастерской пусто показалось ему безъ Власть. На мольбертѣ стоялъ неоконченный образъ Николы-угодника, съ небольшою церковною въ рукахъ, и такъ хорошо изобразилъ былъ Миръ Ликійскихъ чудотворецъ, что никто не дерзнулъ свой кистью докончить недописанныя складки зеленой феломы въ золотыхъ крестахъ и подолъ бѣлаго шелковаго подрясника, обшитого серебристымъ лѣтнимъ позументомъ.

Изнемогалъ Власть къ вечеру послѣ работы съ дровами, по

почамь бичевать себя по широким обнаженным плечам тугою перепоясочной шеею. Чѣмъ сильнее жгли короткіе, сильные удары, чѣмъ острее пыла припухшая кожа, тѣмъ просвѣтлѣе становилось лицо его. Падать ницъ передъ Спасовымъ образомъ, трепетно шепча:

— Но Самъ я заступилъ!

Гervasій, насмѣшливый и злой, скорбѣвшій о томъ, что игумень пристрастенъ къ мірскому, — шутка ли, цѣлыи самъ сажаетъ, водою поливаетъ, не игуменское это дѣло! — въ окно подсморгнулъ потихоньку ночныи молеліи Власа и бичеваніе его, а наутро въ иконописной чавкалъ вязкимъ чѣмъ-то во рту:

— Намъ-то... Власій... въ постничество ударился... Власій-то! Дѣл! Мало ему иконописной, — по иноческой части отличился хочеть!

Трясъ бородашкой своею рыжей, рѣдѣнкой, что павильи-опи-павильи хвостъ, и глазами своими улыбаясь, едкими и ласкательными. Улыбаясь, узоръ для чеканки клалъ на доску и покрывалъ его золотыми тонкими-претонкими лепестками, такими тонкими, что отъ легкаго дыханія сворачивались.

Всегда недовольный онъ былъ чѣмъ-нибудь сотницею — за то, что свѣтитъ ярко, глаза слѣпнеть, и душу отъ него очени: Власомъ — за то, что рисуетъ очень хорошо, всѣхъ лучше, стало-быть, надъ всѣми превозносится, гордостью обунтъ; Федоромъ — за то, что дикіи свѣтитъ на иконахъ его зеленые, мертвые будто, не-благодаря-то: игуменомъ былъ онъ недоволенъ за то... за не-постничество порицанъ. Ежели ты настоящий игумень, ходи степенно, носомъ ступай, братію во грѣхахъ обличай, призывай къ покаянію. А онъ нате: самъ первый соблазны разводитъ, на фидгармоникѣ играть, птицы у него женскаго полу, канарейки, цвѣты на окнахъ, какъ у купцовъ пастащены. Неблагодарно! Говорить когда, усмѣхается все, радуется. А чему радуется, неизвестно. Монаху приличны скорби, а не радости. Можетъ, онъ не радуется, а попросту насмѣхается надъ всѣми. А насмѣхательство — грѣхъ большой и тяжкій предъ Господомъ, за не-смиреніе — все одно, что злонизычье, а за него на томъ свѣтѣ бѣды на языкъ раскаленнымъ варомъ прыснутъ.

Начнеть Гervasій говорить такъ — истонить всѣхъ. Чавкаеть медленно въ вязкомъ и клейкомъ во рту, нудить-нудить и все возды-хаетъ:

— Помилуй насъ, Господи, шоконъ оградо!



Къ разсказу „Крестъ“.

...И дивился старый игумень, и дивился всѣ трепетной живости изображеній.

Всѣхъ задѣвать словомъ, — одному Власу никогда, ничего. Боялся роста его и силы непобѣдной. Какъ только Власъ ходитъ егаты на дровяной дворъ, стать жматься туда и Гervasій. Придетъ, станеть поодаль и елейнымъ голосочкомъ:

— Помогай, Господи! Дровамъ занимаешься? Такъ, такъ...

Постонть, помолчать, глазами пошныбается, забереть бородашку въ гореточку, головку набокъ.

— Трудное это дѣло съ дровамъ распорядиться, ежели кому... иконы ежели привинили кто писать. Совсѣмъ даже не подходящее занятіе...

Власъ глазомъ только повседеть.

— Ничего, ко всякому дѣлу привыкнуть можно.

— Ничего-то оно ничего, а все-таки... скажемъ такъ... Ежели зарядъ пороку на иконописанье, можетъ, какъ сказать... не дваетъ... тогда, братъ, ау! — хоть дрова кози... Бываетъ, который иконописецъ пишеть-пишетъ, да истонаетъ... всѣ у него на одно лицо...

Власъ вздрогнуть весь, будто палкой его сзади ударили. Топоръ въ землю и долго смотреть на Гervasія.

— Ты это... къ чему?

Заторопится Гervasій, замотается, засуетится, нозы подрысника начнеть одергивать, а глаза клять-клять.

— А такъ просто, такъ, для разсужденія... такъ. Кому, значить, какая споровка? Кому — образа писать, кому — дрова колотъ, кому, значить, другое какое послушаніе. Я про это самое, про это вотъ самое.

Власъ помолчить.

— Ты... уйдѣ-ка лучше отсюда!

Гervasій ближе къ воротамъ заторопится и оттуда чавкаеть:

— Чѣмъ такъ? Ай твой, что ли, дворъ то!

Будто параники, выстунуть на плазахъ Власовыхъ красныи щипки.

— Уйдѣ!

Голось ошеснеть низко, погрозибеть, а Гervasій за ворота поспѣнаеть, ногами шалтеть, прочь катится и все куколемъ своимъ трясеть, точно ибтуть гребнемъ.

Власъ дальше колеть дрова, но не попрежнему: завертятся мысли, точно колесо съ зубьями, мысли объ иконописной, о краскахъ яркихъ — никогда не насмотрѣться на нихъ, объ иконѣ недо-конченной — Спаситель, шествующій между бѣлыхъ лилій и рое-ныхъ травъ... И вдругъ рядомъ съ этимъ колесомъ завертятся другое и зубьями своими начнеть зашпылять за другіе зубья — больно станеть отъ мыслей о жизни своей монастырской, о мірѣ, во злѣ лежащемъ, по слову апостола: въ мірѣ помянеть, туда, къ деревенкамъ, къ лѣсамъ, что ели видны въ синей дали, къ работѣ другой, въ нищету виду, къ сле-замъ людскимъ, къ горю человѣческому...

А дрова колотъ — все равно пустое занятіе: ни радости отъ этого душѣ ни облегченія.

III.

Съ миромъ почилъ о Господѣ старый игумень.

Когда внесли его, зашитаго съ голо-пой въ черную мантію, въ монастырскій храмъ и поставили дубовый гробъ его на катафалкѣ, понялъ тогда Власъ, что крѣпкая опора отошла отъ него, и остался онъ одинъ, совсѣмъ сирота, безъ отца, учителя и наставника. Какъ ледъ, застыль онъ въ своей воликой печати, не выходи изъ храма до дня погребенія. Когда же погребли игумена и на мо-гилѣ его сталъ дубовый крестъ съ над-писью о надеждѣ воскресенія въ день послѣдній, Власъ пришелъ въ свою келью, легъ на постель, къ стѣнѣ ли-цомъ, и такъ остался лежать безъ дви-женія, будто и онъ умеръ, и вмѣсто него лежить его окоченѣвшій трупъ.

Приходили Федоръ, жалобно кинкаться сквозь слезы — Власъ не отзывался.

На третій день выпелъ онъ изъ кельи, шоконъ страшный и дикій, словно бо-льшѣ долго и не оправился совсѣмъ. Придя въ иконописную, мотча отеръ пилъ съ начатаго образа Спасителя, и быстро забѣгала рука его, вода кистью, словно боялся Власъ, что не успеетъ сдѣлать къ какому-то сроку.

Федоръ радостно-робко косилъ гла-зомъ и быстро престился. Сердце его несето стукало: ожила въ мысляхъ „Живописная книга“. Отрадно было сдѣ-лать, какъ оживилъ подъ рукою Власа тропинка, хитонъ Спасителя и ошныи головки цвѣтовъ.



Къ разсказу „Крестъ“. ...Вздохнувъ, благословилъ его и, отпуская, положилъ руки на голову ему.

И Гervasій тускло поглядывать на Власа. Накладывая тонкіе-претонкіе золотые лепестки на мшиарисную доску, чавкалъ-буб-нилъ про себя:

— Вотъ, уже, новый игумень прѣдетъ!.. Онъ васъ всѣхъ вотъ какъ разрисуетъ!

А Федоръ упрашивать его по-нотомъ:

— Помогалъ бы, въ случаѣ чего! Неужель не можешь безъ этого?

Власъ же, горя сердцемъ, не слыхалъ никакихъ разговоровъ. Новому игумену не долго ждали. Владыка назначилъ своего, моло-дого и ученаго, чѣмъ съ собою изъ Москвы вывезъ.

Строгий былъ новый игумень, строго поздоровался съ братіей, строго было его лицо, строго бнестѣти золотыи очки, и голосъ его былъ жесткій, немилостивый.

Войдя въ иконописную, онъ остановился предъ картиной Власа.

— Это чѣмъ?

— Спаситель, шествующій по гравамъ...

Нахмурился игумень, губы сжалъ.

— Евангеліе повѣствуетъ намъ, что Спаситель уединялся лишь во время сорокадневнаго поста и передъ предательствомъ Іуды. Все же остальное время прово-дилъ Онъ среди учениковъ сво-ихъ... Картицу замажь!.. Въ мона-стырскихъ иконописныхъ подо-баетъ одно лишь иконописаніе, а отнюдь не картинописаніе, хотя бы съ мыслію благочестивою... Тебя какъ звать?



Къ разсказу „Крестъ“. Съ миромъ почилъ о Господѣ старый игумень.

— Власомъ, ваше высокопреподобіе.

— Гдѣ проходилъ послушаніе?

— Въ иконописной, потому дрова рубилъ...

— Въ наказаніе!

— По своей волѣ.

У инока ибтъ своей воли! Запомни!.. Распущены вы всѣ здѣсь, говорили мнѣ люди свѣдущіе. — Игумень оглядѣлъ Власъ — Въ кельишки ко мнѣ! Грамотный!

— Грамотный.

— Такой-то мнѣ и надобеть!

Новый игумень заветъ и порядки свои. Цвѣтники, благоуха-вшій передъ игуменскимъ домомъ, срыть приказалъ и желтымъ песочкомъ посыпать для аккуратности. Голубей велѣлъ продать, канарейку и цвѣты игуменскіе отослать въ городъ соборному протопопу. Половину живописцевъ приставилъ къ хозяйствен-нымъ работамъ, ибо инокамъ причнствуетъ трудиться въ погѣ лица своего. А иконописаніе — дѣло хотя и благочестивое, но чрезвычайно легкое, и потому лучше предоставить оное мірянамъ.

Игумень былъ человекъ очень ученый. Дѣл ошныи, толстая книга, написанная его рукою, лежала на столѣ; больше поло-вины написана была гречя. Власъ названіе прочелъ: „Обзоръ учений о христіанской нравственности“.

Игумень обучилъ Власа ва пишущей машинкѣ писать. И цѣ-лые дни выщелкивалъ Власъ игуменскія писанія. Новый игу-мень хвалить его письменные труды. Иначе только хвалить, нежели почившій. Возьметъ написанный листъ, сопнть-читаетъ, а лицо у него сердитое и нахмуренное; прочитавъ, скажетъ — обругаетъ будто похвалой:

— Изрядно! Трудись! Трудиться причнствуетъ каждому че-ловѣку, а наипаче — иноку. Не трудящійся же — суть тунеядцы.

Келейное послушаніе свое принялъ Власъ, какъ Богомъ дан-ное, для перечебныи мыслей и чувствъ, для смиренія гордыни. Безпрестанно ступая игумену, не ибтъ минуты свободной по-мыслить о себѣ. Не понимать онъ того, что мыслями перечебны не было, а приказались онъ, по темнымъ угламъ будто разбѣжа-лись и тамъ ссорились, выжидая, когда онягъ можно выбѣжалъ итъ и весело и страшно закрутиться вихремъ въ душѣ Власа.

Сталъ Федоръ захааживать къ нему въ келейницкую. Придетъ, сидеть на лавку и сидеть, подпирался сухимъ своимъ малень-кимъ кулакомъ, и вздыхаетъ. Тосковалъ по иконописной: оттуда его, по игуменскому повелѣнію, къ монастырскимъ коровамъ приставили, на выгонѣ гонять. Сидитъ, молчитъ, потомъ поти-хоньку жалуется: хорошо было при покойномъ отцѣ игуменѣ, а теперь — тяжело даже мимо иконописной проходить, сердце захо-лонетъ: ибту входу больше въ иконописную. Хотѣлъ зайти — вы-гнали: зачѣмъ, говорить, шляешься безъ толку?

Уйду я изъ обители, ей-ей! Въ маляры поступлю въ городѣ, подсоберу деньжонокъ, въ случаѣ чего, и раздобуду себѣ Живо-писную книгу!

Лицо его съ востренькимъ носкомъ, темными веснушками за-брызганное, печально было: вотъ-вотъ заплачетъ.

Власъ не утѣшать его. Сидитъ — каменный и — ни слова, рта не раскроетъ. Рукою бородаку свою — черныи колечки шелковыи подергиваетъ, а глаза — въ стѣну, и глаза каменные затопути

въ глубоких орбитах и точно темные камни из воды выглядывают.

— Не желаю я с коровами заниматься, въ случаѣ чего! — сидитъ бормочетъ Федоръ. — Жизнь отъ меня оняла, можетъ, изъ иконописной прогнавши... Не желаю! Я погрина не принималъ, я — въ рисофоръ: замѣтилъ ушелъ, въ случаѣ чего! Я, можетъ, ради иконописной нѣ обидѣи состоялъ, это еще невѣстно! А насчетъ коровъ скажу тебѣ: занятіе мнѣ совсѣмъ даже неподходящее. Отъ Гервасія мнѣ ни шагу ни проходу: коровій командиръ да коровій командиръ!.. Я молчу, въ случаѣ чего. Я — терплю-терплю, да возмю и игумену пожалуюсь!

Вдохнуть, замолчить. А, помолчавъ, онягъ начнетъ на свою судьбу жаловаться. А Власъ будто и не слышитъ: затонувшіе

глаза — въ стѣну, самъ каменный, рукою не шелохнеть, не дышитъ.

Всегда молчалъ, теперь словно обѣтъ молчанія на себя принялъ. Случилось, быкъ взбѣлся въ монастырскомъ стадѣ. Никто не рѣшался подступитъ къ нему, цѣпь на него набросить. Власъ пошелъ. Застыли всѣ: думали, не вернуться ему — на вѣрную смерть идти. Была минута, чуть Власъ не погибъ, но справился съ быкомъ. И молча къ себѣ пошелъ, ни разу не глянувъ даже на Гервасія, что подѣлъ съидеи, въ подрясникъ своемъ путаясь и чавкать свое вязкое по рту:

— Можно сказать, яко древле Самсонъ, яко Давидъ на Голиава, тако мы на быка сего злонравнаго! Ай-да мы!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ усадьбѣ.

Разсказъ А. Лазарева-Грузинскаго.

I.

Полковникъ Шадурскій уже нѣсколько лѣтъ жилъ въ имѣніи въ отставку, но онъ былъ старымъ боевымъ офицеромъ и, когда началась война, тотчасъ же вернулся на службу. Нѣсколько мѣсяцевъ судьба хранила его, несмотря на все презрѣніе полковника къ опасности, но въ половинѣ февраля онъ иррациональнымъ образомъ до усадьбы и, прохворавъ около мѣсяца, умеръ отъ ранъ. Его геройствомъ восхищались товарищи, и раза два или три громкая вѣсть объ его подвигахъ проникала въ болышую публику черезъ печать. А теперь онъ тихо лежалъ въ тихомъ семейномъ склепѣ, совершивъ въ предѣлахъ земныхъ все земное и отдавъ жизнь свою за славу и счастье родины, — самое большое, что можетъ сдѣлать человѣкъ. Два старшихъ сына Шадурскаго не могли прѣхать на похороны, потому что были ранены и лежали въ далекихъ лазаретахъ, а младшій, Михаилъ Павловичъ, прихворнулъ и подолбавшимъ прѣхать съ женой къ самымъ похоронамъ. Дорогой Наташа, жена его, пробовала утѣшать мужа: она крала свою маленькую ручку на плечи Михаила Павловича, но не знала, что сказать, что говорить въ этихъ случаяхъ, глядя на него нѣжными глазами (ихъ свадьба была меньше года назадъ) и тихо шептала:

— Не грусти, Мишень. Ничего не подѣлаешь. Притомъ же папа былъ уже старъ.

Михаилъ Павловичъ плохо слушалъ жену и отвѣчалъ разсѣянно:

— Да, да, конечно.

Отецъ былъ дѣйствительно старъ, но разумъ плохо мирился съ тѣмъ, что другимъ казалось естественнымъ, и сердце ежмало токала:

— Зачѣмъ онъ умеръ? У него была крѣпкій организмъ. Почему не сознали больше докторовъ, профессоровъ? Можетъ-быть, они спасли бы его!

Михаилъ Павловичъ былъ младшимъ любимымъ сыномъ, и самъ обожалъ отца. И въ памяти его, какъ это часто бываетъ, съ людьми послѣ смерти близкихъ, вставали тѣ мѣлкія обиды и оскорбленія, которыя онъ приносилъ отцу и которыя теперь страстно хотѣлъ бы вернуть назадъ.

Зачѣмъ я сдѣлалъ это? — спрашивать себя Михаилъ Павловичъ и украдкой отъ Наташи смахивалъ слезы съ широко открытыхъ грустныхъ глазъ.

Въ день похоронъ была ясная погода, и солнечные лучи золотили прошлогоднюю, рыжую, давно уже освободившуюся отъ снѣга траву, но въ день похоронъ для близкиихъ не бываегъ хорошей погоды, и всѣмъ казалось, что день тусклъ и скученъ, и надъ всей усадьбой послѣ смерти владыица лежигъ тихая грусть: съ тихою грустью голубой дымъ распространялся по воздуху изъ трубы усадьбы: съ тихою грустью старые клены качали нагими вѣтвями надъ заборомъ у сада, и съ тихою грустью скрипѣли скворечни, пригтовленные для скворцовъ.

Въ имѣніи съѣхалась олаяшая компанія, кромѣ тѣхъ, кто постоянно жилъ въ немъ: постоянно жили двѣ незамужнихъ дочери и мать, которая теперь была убита горемъ и тихо плакала, когда оставалась одна. Замужнихъ было три сестры. Онѣ прѣехали на похороны вмѣстѣ со своими мужьями, кромѣ одной, бывшей замужемъ за хирургомъ, который работать гдѣ-то въ большомъ госпиталѣ и не могъ бросить болыныхъ.

Варвара Петровна, мать Михаила Павловича, увидя сына, потянулась къ нему и разрыдалась на его плечѣ, повторяя:

— Какое горе, Мишень!

Но потомъ стала спокойнѣе: самый младшій изъ всѣхъ, Михаилъ Павловичъ былъ и ея любимцемъ, какъ былъ любимцемъ покойнаго отца. Усѣвшись въ кабинетъ, она разсказала сыну и повѣсткѣ о послѣднихъ дняхъ и смерти мужа, разсказала довольно спокойно и связано, чего трудно было ожидать. Но во время разсказа она припоминала то, что сказала и сдѣлалъ покойный: все время память ея рисовала его живымъ, и ей было не такъ

трудно. Когда же она дошла до смерти мужа, сынъ поцѣловалъ старушку и сказалъ, замахавъ руками:

— Я знаю остальное, мама. Не надо, не говори!

И ему удалось удержать ее отъ рыданій и слезъ.

II.

Глубокой трауръ отъялилъ блѣдность женскихъ лицъ. Наташѣ, недавно вошедшей въ семью Шадурскихъ, было отъ души жалъ дѣвушкамъ, — Марусю и Зину. У замужнихъ сестеръ были свои интересы, своя семья, и печаль ихъ должна была скорѣе разсѣяться, но незамужнія дочери ежались съ отцомъ, и съ его смертью въ усадьбѣ становилось грустно и пусто, смерть вынимала изъ усадьбы часть души.

Особенно дружна была молодая женщина съ Зиной: съ благодарностью она вспоминала ту привѣтливую, съ которой Зина встрѣтила ея вступленіе въ имѣе семью.

— Любите Мишу... Онъ хорошій и васъ безконечно любитъ! — говорила она, когда Наташа была невѣстой Михаила Павловича. — Мнѣ вы тоже нравитесь. Я такъ рада.

Ея розовыя губки смѣялись, и въ темно-сѣрыхъ глазахъ было столько радости, что занодовѣръ ея искренность было нельзя. Да она и была искренна.

Теперь темно-сѣрые глаза покраснѣли и опухли, а на губахъ, вмѣсто смѣха, была скорбь: смерть — это жинца, которая уноситъ съ себя все, что радуешь взглядъ, и оставляетъ унылую пустоту пашни, низко срѣзанные желтые стебли, комья черной земли.

Столкнувшись съ Зиной въ залѣ, Наташа взяла ее подъ руку и черезъ балконную дверь вышла въ садъ.

На желтыхъ просохшихъ дорожкахъ валились груды сухихъ, прошлогоднихъ листьевъ, шуршающихъ подъ ногами: ихъ, вѣроятно, некому было убирать въ дни болѣзни хозяина и въ похоронныхъ хлопотахъ, потому что тогда для каждого изъ сдугъ находилось дѣло. Или, быть-можетъ, ихъ только сметали въ кучи, и вѣтеръ весны разносилъ эти листья онягъ по дорожкамъ.

Мяко ступая по листьямъ, женщины прошли къ пруду: небольшой, мутный по-весеннему прудъ, чуть-чуть плескался въ пожелтѣвшихъ берегахъ и не отрѣзалъ голубого неба; красные и рыжіе листья, какъ яркія бабочки, мелькали посреди пруда; темная угка ныряла и отривалась въ дѣлшемъ утѣ.

— Мнѣ жалъ тебя, Зина! — шепнула Наташа дѣвушкѣ. — Но что же дѣлать? Не горюй! — Она помолчала и добавила то, что говорила мужу: — Папа былъ старъ.

Зина покачала головой отрицательно: отецъ, вѣрнотю, не казался ей старымъ: глаза ея сдѣлались странными, взглядъ неподвижнымъ, какъ будто она видѣла то, чего другіе не могли видѣть; у самой воды она медленно сказала:

— А Горенки папа отказалъ вамъ!

Наташа подняла голову.

— Какія Горенки? — съ недоумѣніемъ спросила она.

— Имѣніе подъ Киевомъ. Будто не знаешь?

Холодная нота звучала въ голосѣ Зины; Наташа смутилась.

— Горенки? Ахъ, да, — сказала она.

Она, конечно, знала, что такое Горенки и гдѣ находятся Горенки, но ея мысль была далека отъ завѣщанія, отъ Горенковъ, отъ наслѣдства, часть котораго послѣ смерти отца Михаила Павловича переходила къ нимъ.

А Зина продолжала съ тѣмъ же неподвижнымъ взглядомъ:

— Горенки — хорошее имѣніе.

— Да?

— Доходное имѣніе. Тамъ аренда плата за землю ве та, что здѣсь.

— Выше?

— Ну, конечно. Можетъ-быть, раза въ два.

Наташа спросила у дѣвушки что-то о матери, но та не разсуждала; занятая своими мыслями, она шептала задумчиво:

— Я не ожидала этого. Нѣтъ.

— Чего? — спросила Наташа.

Зина отбѣдила хмуро:

Ахъ, ничего. Не обращай вниманія: я такъ.

Возвращаясь, онѣ прошли по дорожкѣ недалеко отъ скамьи, на которой сидѣли мужья двухъ замужнихъ сестеръ: покуривая сигары, мужчины горячо говорили о чемъ-то и не замѣтили ихъ. Но до слуха Наташи долетѣли обрывки ихъ разговора.

— Странное завѣщаніе! — сказала одна.

Другой возразила:

— Но вѣдь дочери выдѣлены раньше?

— Не все ли равно? Наслѣдство такъ велико, что и имъ можно

было бы хоть что-нибудь удѣлить.

— А пора бы ѣхать!

— Да, меня уже давно въ городѣ ждутъ дѣла.

III.

Маруся глядѣла болѣе хмуро, чѣмъ Зина: но съ Марусей и ранѣе Наташа близка не была. Увидя ее въ гостиной плачущей, уткнувшейся въ диванную подушку, Наташа хотѣла пройти мимо, но Маруся подняла отъ подушки голову и сказала:

— Подожди!

Медленно вытеревъ глаза, она сиротата платкомъ въ карманъ и прямо взглянула въ лицо Наташѣ.

— А вѣдь папа откаталъ Горенки намъ, сказала она.

Наташа пожала плечами.

— Можетъ-быть.

— Вѣдь!

Въ ея голосѣ слышалась досада, и молоденькая женщина подумала со страхомъ: не объ этомъ ли, не о Горенкахъ ли плакала Маруся?

Вечеромъ она сказала мужу, когда они остались одни:

— Ты замѣтилъ? Вокругъ насъ творится что-то странное, Мишень. Я ничего не понимаю. Говорятъ, папа отказалъ намъ Горенки!

— Говорятъ.

Зачѣмъ онъ сдѣлалъ это?

— Но вѣдь сестры уже выдѣлены.

Вѣдь?

Вѣдь. Замужнимъ дана ихъ доля въ приданое. Марусѣ и Зинѣ давнымъ-давно выдано на руки. Мамѣ, по слухамъ, папа завѣщалъ Шадурское, каждому сыну имѣніе. Мнѣ — Горенки.

Можетъ-быть, Горенки лучше другихъ?

Можетъ-быть.

Михаилъ Павловичъ поглядѣлъ бородаку и сказалъ задумчиво:

— Кажется, въ Горенкахъ есть небольшой домъ. Но во всякомъ случаѣ, если Горенки лучше, — могли бы волноваться и быть въ претензіи братья. При чемъ тутъ сестры? — Онъ повелъ плечами. — Признаться, я не понимаю рѣшительно ничего.

Наташа тоже ничего не понимала, въ чемъ призналась раньше. На душѣ ей было смутно, когда она ложилась въ постель. Спалоу ей плохо: она часто просыпалась и видѣла тревожные сны. Она видѣла, что на нее надвигается опасность, которой она не знаетъ, но отъ которой должна спастись: она слышала шорохъ, чья-то шагъ, бросалась бѣжать, но ноги плохо едучались ея, а слѣдомъ звучали тѣ же шаги, и опасность съ каждой минутой была ближе и ближе. Проснувшись, она утѣмъ съ готовой болью и была рада, что въ окошко было видно вчерашнее голубое небо, тѣ же золотые лучи, и можно было встывать.

Въ этотъ день рѣшено было читать завѣщаніе, и передъ завтракомъ вся семья сошлась въ кабинетъ покойнаго. Мужчины были сдержаны, но изъ женщинъ, кромѣ вдовы, погруженной въ свою старую и тихую печаль, всѣ волновались, и Наташѣ казалось, что это не тѣ лица, которыя она видѣла раньше, даже вчера, что кто-то подмѣнилъ ихъ. Жадность и любопытство етерли съ нихъ быдую скорбь, и по нимъ трудно было представить себѣ, что въ этой грустной комнатѣ готовятся читать такой грустный документъ, какъ завѣщаніе. Дьяволъ екуности разбилъ, дренаое зеркало, разбилъ его такъ, что осколки попали всѣмъ женщинамъ въ глаза, замутили ихъ взглядъ, и корысть глядѣла оттуда. Спокойнѣе другихъ, какъ это ни странно, кромѣ вдовы и Наташи, глядѣла одна изъ замужнихъ дочерей, — франтиха, которая, по слухамъ, на наряды успѣла спустить почти все приданое. Быть-можетъ, тѣ пятнадцать, двадцать тысячъ, которыя въ лучшемъ случаѣ могли прійтись на ея долю, казались ей слишкомъ мизерной суммой, чтобы волноваться; о ней говорили, что въ иной вечеръ она проигрывала и выигрывала въ клубѣ тысячи по три, по пяти.

Въ общихъ чертахъ завѣщаніе было известно, и новаго оно не сказало ничего: еынованье было отказано по имѣнію: Михаилу Павловичу — Горенки, въ Варварѣ Петровнѣ переходило Шадурское; дочерямъ, какъ ранѣе выдѣленнымъ, не было отказано ничего.

Во время чтенія шопотъ, неподованія походили на шумъ далекаго прибоя: къ концу онъ все росъ и росъ, будто прибой на-двигается, и когда чтеніе было кончено, Зина съ горечью спросила у матери:

Гдѣ же еправедливость? Какъ вы могли допустить такое завѣщаніе, мама!

IV.

Одинъ изъ зятѣвъ, тотъ самый, который говорилъ, что пора бы убѣжать изъ имѣнія, вдохнулъ съ разочарованіемъ, но сдержался и корректно сказалъ что-то въ родѣ того, что воля покойнаго должна быть священной; второй зять мезанхольически кивнулъ головой, онъ былъ огорченъ очень сильно, но сознавалъ бесполезность и несвоевременность какихъ бы то ни было протестовъ; сестра-франтиха подзакрѣла глаза, быть-можетъ, мысленно рисуя себѣ второе траурное платіе, которое она заказала, вернувшись въ городъ; Михаилъ Павловичъ молчалъ, Зина накинудась на всѣхъ:

— Что же вы молчите? Говорите же наконецъ!

Всѣ съ недоумѣніемъ смотрѣли на Зину и продолжали молчать; тогда она кинулась къ матери:

— Заставьте ихъ говорить, мама!

Михаилъ Павловичъ сказалъ сурово:

— Стыдно, Зина. Не тревожь маму. Стыдно, стыдно!

Зина поблѣдѣла отъ злости, и, когда она заговорила, Наташа не узнала ея голоса.

— Мнѣ стыдно? А тебѣ не стыдно, любимчикъ? — спросила она со злобой, которую старалась, но почти не могла сдержать. — Тебѣ не стыдно взять Горенки?

— Но вѣдь ты выдѣлена уже... Ты получила свою часть...

— Мою часть?

— Ну, да.

— Мою часть? Скажи ему, что стоятъ наши части, Маруся!

Маруся поджалась, и губыя красными пятнами выступили на ея щекахъ.

Когда папа выдѣлялъ насъ, Мишень? — сказала она. — Когда это было? Бумаги унази. Что стоить онѣ въ сравненіи съ прежними? А земля? Земля поднялась въ цѣнѣ. Тебѣ должно быть стыдно, всѣмъ братьямъ стыдно, а не намъ.

— Ты, любимчикъ, тихоня, стыдливъ! Слышишь?

Наташа съ ужасомъ вслушивалась въ ятны слова сестеръ и думала о томъ, что общая скорбь не сближала семьи, не заставляла ее быть дружнѣе и мягче; напротивъ, дѣлала наслѣдства перессорить и разъединить: всѣ думали о наслѣдствѣ и какъ будто не думали о томъ благородномъ человѣкѣ, который оставилъ его.

Слова звучали все неприязненнѣе и рѣзче, уже видно было, что говорились они не для того, чтобы выяснитъ истину, выяснитъ отношенія, а чтобы нанести обиду, причинить боль. Михаилъ Павловичъ сдерживался, но это ни къ чему не вело. Зина кричала матери:

— Это плохо! Это низко! Мама, скажите же ему, что это низко, что это — грязный грабежъ!

Мужчины старались успокоить сестеръ, а онѣ выкрикивали, задыхаясь, трепеща отъ злобы и бѣшенства, что-то несообразное, что-то дикое, что-то такое, чему трудно было подобрать названіе; говорили, что имъ придется идти въ руки по міру, благодаря братьямъ, и что онѣ ни за что не отдадутъ Наташѣ серебрянаго самовара и подноса, которые мать хотѣла ей подарить; что цуетъ у нихъ серебра на шестидесять персонъ, онѣ не позволяютъ взять пѣзъ дома ни одной серебряной ложки, хотя собственно о ложкахъ никто изъ присутствующихъ не поднималъ рѣчи; сестры поминали о какихъ-то драгоценныхъ вещахъ, о какой-то роговѣ и воротникѣ черноухой анемъ; крупное было смѣшано съ мелкимъ; налетѣвшая буря подняла со дна души затаенную накинъ и грязь. Становилось безконечно тяжело и безконечно жутко въ этой атмосферѣ злобы и жадности. Наташа хотѣла броситься къ мужу и закричать:

Отдай имъ Горенки, Мишень! Отдай имъ все!

Но крики Зины предупредили ея крикъ: упавъ на коверъ кабинета, Зина билась въ истерику и выкрикивала:

— Хороши братья! Мама, что же вы смотрите? Они хотятъ ограбить вашихъ дочерей!

И тоже близкая къ истерикѣ Наташа повторяла безсмысленно:

— Онѣ хотятъ ограбить насъ, Мишень! Бѣжимъ отсюда, бѣжимъ!

И ей хотѣлось отступиться отъ наслѣдства, бѣжать, бѣжать изъ усадьбы, бѣжать какъ можно дальше и какъ можно скорѣе.

Мишень думать о смерти и жизни и о томъ, насколько славная смерть прекраснѣе и выше этой безславной жизни среди алчности, злобы и сваръ...

У грани.

1.

Близка заутрени солдата...
Когда послѣдняя граната
Взрыхлитъ побѣдныя поля,
Мы будемъ пьяными отъ клика—
Увидитъ миръ, какой великой
Ты встанешь, Русская земля!
Въ послѣдній разъ кровавой пашней,
Какъ побѣдители, безстрашно
Пройдутъ славянскіе полки,
И воздухъ, сираломъ напоенный,
Обвѣетъ гордыя знамена
И продымленные штаны.

2.

Всѣ будутъ слышать ихъ далече,
Когда объятія настрѣчу
Раскроетъ имъ свободный галль
И съ русскимъ гимномъ марсельеза
Спяетъ стойкій, какъ желѣзо.
И братски радостный закалъ.
Въ союзѣ британскаго солдата
Да будетъ дружба ихъ трисвята
И перунина на вѣка!
Передъ союзою твердиной
Падутъ нѣмецкія гордыни
И посрамленные войска.

3.

Поля, повижженныя битвой,
Озолотятся новой жнитвой,
И вылетѣтъ пахарь, сынъ земли,
Ровнять воронки мирнымъ плугомъ,
А по небу спокойнымъ пугомъ
Опять потянутъ журавли.
А захлебнувшіеся кровью
Тѣ, кто перель грядущей новью
Нынѣ не славягъ тропарей,
Тѣ у расшатанныхъ околицъ
Устынать слезы богомолицъ
И вопли сирыхъ матерей.

4.

Имъ будетъ день зловѣщъ и страшень:
Славянство встанетъ изъ развалинъ,
Подъявъ многострадальный стягъ,
Изъ сербскаго воскреснетъ гроба,
И будетъ вражеская злоба
Плясать у Сербіи въ ногахъ!
Близка заутрени солдата,
Славянский братъ обниметъ брата
Близки побѣдныя поля!
Мы будемъ пьяными отъ клика—
Увидитъ миръ, какой великой
Ты встанешь, Русская земля!

Александръ Дроздовъ.

На закатѣ.

Разсказъ Алексѣя Липецкаго.

— Ну, и вотъ, значитъ, попался это одинъ нашъ офицеръ въ плѣнъ. Скрутили его австрийки, поставили передъ собой и говорятъ: „такъ и такъ, молъ, выдавай ваши русскіе секреты, а не то сейчасъ башку долой“. Видитъ нашъ офицеръ,—дѣло—табакъ;

выхватилъ пистолетъ. Бацъ, бацъ—двухъ австрийковъ уложилъ...

— Пойстой, пойстой! Какъ же это онъ могъ стрѣлять, когда, говоришь, его связали по рукамъ и по ногамъ?



На кавказскомъ фронтѣ. Пластуны вступаютъ въ захваченное турецкое селеніе.





На кавказском фронте. Стрельба по передвигающемуся противнику.

— А ты слушаешь, да не перебивай. На то он и офицер, чтобы в такую ни на есть трудную минуту за отечество мог постоять. Пристрелил он это двух австрийков и ждёт, что дальше будет. А дальше было не так сладко. Другие австрийцы, что остались в живых, взяли его, оторвали ему, сердешному, руки, ноги по самое туловище и бросили. Идешь, дескать. Да не так-то был русский офицер. Скоком-бокком, катуном-ходунком, кое-как, через силу докатился он до границы земли нашей, а наутро был уже около царского дворца. Принял его Царь, повелел ему на грудь Егорьевский крест и говорит: „молодец ты! С такими моя земля не пропадет. Говори, по правде, чего ты хочешь: десять тысяч денег, или чтобы тебя подчинили четыре полка?“ — „Командовать хочу, Ваше Величество!“ — отбился храбрый русский офицер. Вот какие попки есть на свете!..

Разсказчица восторженным взглядом посмотрела на слушателя, точно желая этим взглядом окончательно сломить его добродушное, чуть-чуть насмешливое недоверие. Но не так-то легко было это сделать. Слушатель — старый сапожник Ермоланч — сам человек военный, александровский солдат, выдавший на своем ирку виде. Ко всему, что рассказывали в слободке павли на небывальщины бабы, он относился весьма критически.

— Хороша твоя сказка, Лаврентьев, забориста, слов нет, а только мудрено что-то... Вон, у нас на дворе чурбан какой уже год лежит и что-то куда не катится. А ведь офицера-то бедного австрийца обидели не хуже этого чурбана... Э-э, темненько становится... Щетиной в дырку не попадешь...

Ермоланч отложил в сторону начатый сапог, сдвинул на лоб очки, оправа которых, надо полагать, была когда-то металлическая, а теперь представляла собою сплошное, немощно замусленное пулево из дратвы, сладко збынуло и меткими частыми крестиками несколько раз перекрестил рот.

— Ты, сосед, всегда не вришь. Чего ни рассказываешь... Такой уж неврный человек.

Соседка, мня восторженное выражение лица на недовольное, слезила в карман юбки, достала жестяную коробочку с табаком и папиросной бумагой, свернула „круточку“ и продолжала:

— Ты, пожалуй, и вот этому не поверишь?

Чему? улыбнулся, спросил Ермоланч.

В потухающем свете закатных красок, сторбенный сидеть старого сапожника выглядел как-то особенно уныло и трогательно: что-то безпомощно-детское было в нем и в его с твоем — большое, нахмуренное, приобретенное за многие десятки прожитых лет. Чувствовалась в старике какая-то непонятная внутренняя сила, перетягивавшая на себя робость и уважение.

„Этакий терпеливец! — подумала, глядя на него, соседка. — Сына на войну ушли, жена тронулась, а его Бог милует. Тачает себя, как ни в чем не бывало, сапоги да пошмивает.“

— Ну, что же ты! Расскажи, рассказы, а я послушаю, — сказал Ермоланч. — Кстати огоньку надо засветить, огоньку...

При свете жестяной лампы, подвешенной на самодельном



На кавказском фронте. Редкая стрельба из олопов.

крюк в потолочной балке, в горнице можно было рассмотреть еще одного человека.

На лежанке, обняв руками согнутые колени и упершись в них подбородком, сидела благообразная, очень худая старушка. Вотосы ее были настолько тусклые, что можно было подумать, что она повязана белым платком. С моголической равномерностью маятника старушка тихо покачивалась на лежанке из стороны в сторону. Порой старушка что-то шептала бледными иссохшими губами. Разговори Ермоланча с соседкой, поведомому, совершенно не затрагивать ее сознания.

Рота знаешь? спросила соседка, подходя ближе к Ермоланчу.

— Это Ярыгинского-то? У которого в позапрошлом году дьку убитую нашли? Как же не знать. Знаю. Я, бывало, бегивал туда, заказы бирали...

Ну, вот. Тамоний мужик наделил на базаре разсказывать. Рот-то этот самый задумал на немецкую сторону передаться. Лють был барин, не даром из немецов, а врь сущий, мужиков пот каблук загал. Как задумал он это, значить, утекать в немецкую землю, собрал все свои деньги в большой дубовый гроб и отправил за границу. На почт втупрож хватились. Что да как. Видят, несладное гроб. Вскрыли, а в гробу золото и бумаги всякие. Кинулись в немецкие — ухал, говорят, сами не знаем куда. Однако понаел он около самой ни на сест границы. Ответил его теперь, друга милого, в Москву, посадили на цепь и скоро казни предадут. И, рассказывал мужик, на казни эту повезут смотреть всех ярыгинских мужиков и баб. Вот жалко, я-то не ярыгинская, тоже бы съехала на казненный счет в Москву, посмотрела бы да, кстати, и угодилам московским поклонилась...

Соседка подперла подбородок рукой и смотрела на Ермоланча так, словно от него зависело устроить ей желанную поездку.

— Да, вот какие штуки-то... Гроб, говоришь... Эх-хе-хе! Дьла наши дьльные, дьльные-двухдьяльные...

В ласково-ребезжащем голосе Ермоланча слышались все те же игривые нотки недоверия. Но старый сапожник больше не возражал соседке из опасения огорчить ее; она очень не



На кавказском фронте. Пластуны-бомбометатели.

долюбливала, когда к рассказываемым ею новостям относились недоверчиво. „Люди говорят, — не я, а глас народа — глас Божий, у Бога же неправды не может быть“, — зивляла она из подобных случаев, и слушатели на такой немецкий эмлогизм ничего не могли возразить.

— А ты послушай, Степан, Ермоланч, что Федька-то Жигалин пишет. Третьяго-дня мать из волости письмо получила. Пришли они это в один немецкий город и расположились как бы на отдых. Город, улицы — загляденье, чистота. В какой дом, пишет, ни взойдешь — чаша полная, тут тебе и зеркало и диваны с пружинами и музыка всякая. На муляках на этих солдаты едут. А только и поспешно же ударили немцы,

обидь даже кое-где остался на стол. Но только наши — ни-ни: глядишь, а он с отравой. Вадремнули это солдаты, попили чайку там, али еще чего немецкого и устроили потеху. Вытащили из магазинов машины, как у нас в трактирах по воскресеньям „Барыню“ и „Стрелочка“ режут, завели их все разом, какую на какой лад, и давай плясать...

Соседка взмахнула руками и засмеялась. Осветившая лампой из-под жестяного круга, точно исподобия, картинка на стене, изображавшая бой в Августовских лесах, казалась, тоже улыбнулась своим своим красками.

— Уж насчет солдатской пляски-то позволенья, милая, знать. — замечать, весь преобразился, Ермоланч. Лицо его точно попало в полосу яркого полуденного света. Каждая морщина ожива, задвигается, затрепетала, выражая глубокое душевное волнение. — Никто так не пляшет, как солдат. — будто хотят перед смертью потешиться вволю его разудалым косточками. Поночь, бывало, на Балканах. Метель, слышь, свету Божию не идет, а удар кто-нибудь на тульском в персбор — словно тебя в рот обдаст. Выпрямись, крикнешь и — пошел...



В русском Эрзеруме. Группа турок, обступившая наших солдат с просьбой написать на бумажке „мирный житель“ — два слова, обеспечивающих их неприкосновенность.



Эрзерум. Стамбульские ворота.

Ермоланч попробовал выпрямиться, но ничего не вышло из его усилий — спина была, как сухая коряга, он только при- стукнул ногой и продолжал:

— Так, бывало, напаянешься — голова ходором ходить. Один раз — Царство ему Небесное! — сам великий князь Микотай Миколанч, отец нынешнего — изволил смотреть на мою пляску. Вот страху-то я тогда набрался. Подъ Плевной того не было. Пляшу, вывожу выкрутасы разные, прыгаю, а у самого по ваткурию — морозь, морозь... Вдъ не кто-нибудь, а великий князь, брат Государя Императора... Кончил я, — не вздохнуть... духъ заняло. Выткнулся в струнку и жду. Ну, — думаю, — сейчас тебѣ, Ермоланч, — капутъ. Подошелъ ко мнѣ великий князь — двумя головами выше — смотреть атакъ мудрено, — но понять, сердитъ онъ или въ расположении сердца, — похлопалъ меня по плечу. „Молодчина! — говорит. — Какъ фамилия?“ — „Кутуковъ, — отвѣчаю, — ваше императорское высочество!“ А наутро, смотрю, зовутъ мѣни нантъ ротный командиръ. „Вот, — говорит, — Кутуковъ, — получи двадцать пять рублей. Это отъ великаго князя. Выпаясалъ, такъ выпаясалъ, чубунице атакій!“ А самъ смѣется — радъ, что у него въ ротѣ это случилось... Вотъ она какая бываетъ солдатская пляска...

Глаза Ермоланча сверкнули, какъ угли подъ дуновениемъ вѣтра, и сейчасъ же погасли. Лицо омрачилось, сдѣлалось грустнымъ. Старый сапожникъ покосился поверхъ очковъ на свою старушку, продолжающую монотонно раскачиваться, и добавилъ со вздохомъ:

— И Павлуша мой, должно-быть, такой же плясунъ въ полку былъ, какъ и я. Веселые мы... Царство ему Небесное! Ты куда же? Оставайся чай пить... Давеча съ баяра свѣжихъ креп- делей принесъ...

— Спасибо. Свой поставила. Заговорила съ я. Ребятишки мажъ бы тамъ не набѣдокурили. Ты ужъ, пожалуйста,

Станавъ Ермоланчъ, почини къ воскресенью...

— Сказано вдѣ! — Ермоланчъ очень не любилъ, когда ему по нѣскольку разъ наоминали объ одномъ и томъ же.

— Ну, прощай, Матрена Савишна, будь здорова...

— Прощай, прощай! Она не слышитъ... Отдѣшлась... О, Господи!...

Проводивъ сосѣдку, Ермоланчъ поставилъ самоваръ, напилъ чаю, напоилъ жену, убралъ посуду въ шкапчикъ и снова уѣхалъ за работу.

Безконечно долго, томительно, точно перегруженный возъ на гору, тянулось время. Однозвучно тикали на стѣнѣ маленькіе щербетны-часники; сухо постукивали молотокъ, загоня въ спиртовую подкову бѣлые ровные гвоздики; нойманный трубою вѣтеръ съ надобными кошачьими подвыпаньемъ рвался наружу. Ермоланчъ невольно прислушивался къ этимъ звукамъ, — то ко всемъ вмѣстѣ, то къ каждому въ отдѣльности, — и какая-то огромная, тяжелая, какъ пудовый гнетъ, дума ложилась на его старое сердце.

Онъ не могъ охватить сознаниемъ этой думы, — слишкомъ велика была она, да старикъ и не пытался этого дѣлать, довольно было того, что вся прожитая жизнь отъ начала до конца вставала передъ нимъ, какъ на ладони.

Вотъ деревня Сумиловка, барскій домъ, дворня, копошникъ, огромная псарня...

Вспоминая этотъ періодъ своей жизни, Ермоланчъ до сихъ поръ не могъ рѣшить — хорошо или плохо жилось ему тогда, не могъ рѣшить потому, что, съ одной стороны — трудная, подчасъ невыносимая барщина, а съ другой — полное приволье, достатокъ во всемъ, урожайныя золотыя нивы, нерешенные зерномъ глубокіе закрома и, вдобавокъ, сѣроглазая красавица Мотя. Нѣтъ, скорѣе хорошо жилось. Только не долго длилось счастливое время. Постучалась въ окна «трамъ непогожая осень, прѣхали на деревню солдаты-пріемники, и Ермоланча «забрили». Много лѣтъ подъ рядъ отдежурилъ онъ въ своемъ Колыванскомъ,



Эрзерум. Военный турецкій лазаретъ.



На кавказскомъ фронтѣ. Изъ жизни экспедиціоннаго корпуса. Переходъ рѣки

драгунами С. полка.

и ужъ послѣ Санъ-Стефано вернулся домой. Вмѣсто прежней непосѣдливой хохотушки Мотя встрѣтила его пожилая, степенная женщина. Въ деревнѣ все стало по-новому. Господа, отступивъ крестьянъ, разъѣхались, кто въ Парижъ, кто въ Москву, и пришлось Ермоланчу на склонѣ лѣтъ выбирать себѣ какое-нибудь ремесло, такъ какъ землѣ ему почему-то не досталось. Поселился Ермоланчъ въ слободѣ, поближе къ городу, и потъ съ тѣхъ поръ тачалъ, не спѣша, на православный народъ сапоги. Шилъ онъ не особенно факонисто, зато крѣпко; не любилъ, какъ нынѣшніе мастера, шить коо-какъ, на живую нитку, лишь бы сдать заказъ и получить деньги. „Ужъ, если шовъ, — говаривалъ Ермоланчъ, — такъ клади его на смерть, чтобы — амниъ, до износу!“

Трудные балканскіе переходы мало отразились на могучей натурѣ бывшаго крѣпостного. Одного за другимъ родили ему Мотя тронхъ молодцовъ. Одинъ, померъ, а двое выросли, поступили въ ученье и пошли по разнымъ путямъ.

Старшій Василій пристрастился къ бильярду, но пѣвнымъ по-чамъ провадять въ пивныхъ и трактирахъ, пропивая и проигрывая все дичита, и кончилъ тѣмъ, что однажды подъ пьяную руку раскронилъ кому-то пивной бутылкой черепъ и угодило на каторгу, въ рудники. Недавно Ермоланчъ узналъ, что на каторгѣ Василій проскрипѣлъ недолго — загрызла чахотка.

Меньшой Павелъ уродился со-вѣтъ другимъ.

Работая по слесарной части на небольшомъ ремонтномъ заводѣ, онъ скоро достигъ въ своемъ ремеслѣ большого искусства, имѣлъ множе-ство заказовъ на дому, а когда въ уѣздѣ открылся металлургическій заводъ, поступилъ туда. Черезъ годъ Павла взяли въ солдаты. По возвращении съ военной службы онъ опять былъ принятъ на заводъ, дошелъ до шестидесяти рублей въ мѣсяцъ жалованья и собрался уже обзавестись собственнымъ семействомъ, — какъ была объявлена война.

Уходъ Павла больше всего по-влялъ на старушку-мать.

У нея отяжелась память. Она совершенно забыла прошлое, точно кто украсть у нея изъ головы волшебную катушку, на которой была намотана нестеряя лента воспоминаний: старушка помнила только одинъ моментъ въ жизни — на станціи передъ отходомъ воинскаго поѣзда, когда держала сына въ объятіяхъ. Ей и теперь казалось, что сынъ около нея. Обиная свои колѣни, она воображала, что это сынъ, и улыбалась ему и шептала что-то ласковое, безконечно жалобное.

Подбигъ одинъ сапогъ, Ермоланчъ, принялся за другой. Вотъ старый сапожникъ тихимъ, сдѣла слышнымъ, теноркомъ затянулъ любимую пѣсню:

Скучно, грустно мнѣ.
На чужой сторонѣ.

Какъ я вспоминаю, какъ я жилъ —
Свѣтъ становится не милъ.

Старшій очень любилъ эту пѣсню. Другой онъ не знаетъ. Гру-стнѣе, песель ли — онъ постоянно напѣвалъ ее, и, какъ трубка на курильника, какъ стаканчикъ на пьющаго, она дѣйствовала на Ермоланча самымъ благотворнымъ образомъ.

Въ пѣснѣ разсказывалось о томъ, какъ русскіе войска пере-ходили Дунай, какъ воевали съ турками, какія трудности при-ходилось имъ выносить на своихъ богатырскихъ плечахъ...

День дрожалъ,
Ночь не спитъ...
Сѣны румять,
Турокъ думать...

Каждое слово вызывало въ памяти цѣлыя картины: осада, вой и грохотъ орудій, кровь, стоны умирающихъ...

А нѣтъ, явившаяся черной кошкой въ трубу, точно вторилъ старому сапожнику унылымъ тонкимъ подвываньемъ, точно вспо-минать заодно съ нимъ трудную боевую жизнь, и отъ этого на сердцѣ становилось тяжело-тяжело, какъ будто оно медленно опускалось въ какую-то ледяную узкую прорубь. Но Ермоланчъ



На кавказскомъ фронтѣ. Крутой спускъ въ долину.

На кавказском фронте. Понтонный и шестидюймовый артиллерийский парк при отступлении от Эрзерума.



продолжать ить дальше, рисуя словами пьесы все новые и новые картины.

Кто ложить без руки,
Кто ложить без ноги...

Наконец турки были разбиты. Заключен мир. Усталые, обносившиеся в клочья, бредли русские отряды обратно, к себе на родину. Путь лежал через Малороссию. Гостеприимные хохлушки радушно звали к себе на постой солдатиков, но —

У хохлушки, у хохла
Ни двора, ни кола...

«Но взыщи, значить», мысленно комментировал Ермоланч слова пьесы. Пожевав пенз-мбинных сухариков, разувшись, солдаты уже готовы были задать на чистом глиняном полу ханака, но чубастый хохот дёз в это время куда-то за печку, доставать нетрепанную, пухлую наподобие красной пышки, колоду, и — пёз в пьесу:

Сядем в карты играть,
Чтобы скуку разогнать.
Мы потеем, не робеем,
Чтобы фофаном не быть...

Далеко за полночь шла веселая игра в «дураки» и «по носам». А на зорьке, только деревенские пернатые крикуны, захлопав крыльями, оповещали о наступлении дня, — чернوبرовая хохлушка будила гостей, потчевала кушомом, и солдаты, позавив на плечи свои ранцы, брели до следующего гостеприимного села.

О-ох, дёла, дёла... Всего было, — вздохнуть старый сапожник и оступился — на лежанке произошло какое-то движение.

Старушка, обернувшись лицом к стене, где под восточной висело носильное платье ушедшего на войну сына, протягивала перед собой руки, точно навстречу кому-то, видимому только ей одной. Выражения ее лица Ермоланч не видел, но по ее торопливому безвзвешному шопоту можно было понять, что старушка испытывает необыкновенное счастье.

Павлуша... сыночек мой... Рубашечку-то, рубашечку новую... Текла рёзка по дугу, а сыночек по дому, — шептала она, захлебываясь слезой, торопясь, точно опасаясь, что ей помешают сказать все, что накопилось на душе.

Вот она ласмблалась, пронзительно, дико, — у Ермоланча невольно зашевелились утробные на висках волосы, — и крепко стиснув руками колени, замерла и снова закачалась, как зыбка, из стороны в сторону.

Ермоланч подошел к жене.

Мотя, Мотюшка, что ты... Господь с тобой... Счастливая... У нея есть сын, а у меня нёту... нёту... — Голос Ермоланча дрогнул. — Висать, вонь, пинжачки, жидеточки, точно Павел дома... А он... Эх!.. Старуха, старуха, дожили мы с тобой... Ну, услышь... услышь хоть одно слово... отзовись... Видь, Павлуша-то нёту. Убить он, убить... Положить животь свой за отечество... Герой он... а ты не аиашь... Услышь!..

Но старушка молчала, продолжая тихо покачиваться, и смотрела куда-то далеко-далеко, сквозь мужа, сквозь шуткареную стену, сквозь темносиний сумрак зимнего вечера...

Вззз... вззз... — лавывать в трубу втерь.

Жутко, нехорошо было.

Если бы покойник, — совсёшь другое дёло: Ермоланч, переживавший на своем вёку тысячи самых ужасных смертей, не боялся бы, зная, что человек мертв, и приготовился в седении праведный и ложить на стол тихий, застывший, в ожидании мёста последнего упокоения, — но тут было так, как будто старушка умерла заживо: она еще продолжала ёз, нёту, двелалась и говорила, но душа ее, ее мысли, чувства витали уже в другом мёре, таинственном и непонятном, которого Ермоланч не мог постичь и принять, так как не мог отрешиться от мысли, что сын погиб и никогда больше не придет домой. И, пожалуй, не то было страшно, что старушка жила в каком-то жутком призрачном мёре, а было странно другое, — страшно то, что она никогда не узнает о смерти сына, не благословит, как мать, эту славную смерть и,

умирая впоследствии сама, не будет думать, что одала родный самое дорогое, любимое.

Несколько минут стоял Ермоланч у лежанки в глубоком раздумьи. Простился слезы, но мысленно ли плакать ему, старому балканскому герою? Ермоланч только сдерживал с досадой свой заскорузтый холщевый фартук и отходить от лежанки.

В это время скрипнула дверь. По полу, извиваясь, ползали белые студёные облака морозного воздуха.

— Степань Ермоланч, здорово! Проститься при- шель...

У порога стоял, потирая руки, столарь Дмитрий Маныкин, товарищ убитого Павла, худощавый, чуть сутулый человек, с окладистой черной бородкой и густыми, темными, не улыбающимися глазами. Маныкин был страстный охотник. Он не столько пил и строгать, сколько воевал с нечистыми, одноухими, фингалом, лавил по бодотам, бродил по дёсам и лугам, выслеживая осторожную дичь. Мелкая двухстволка подарок Павла — была единственным и незаменимым его утешением.

Здравствуй, Митрий Вакулыч. Адь выгоняют?

— На полуношном дёме. Дёме, Степань Ермоланч... да... А бабушка все качается?.. Горько...

Маныкин вздохнул, и трудно было понять, что скрывалось за этим вздохом. Маныкин был женат, имёл троих ребятшек — естественно было ему вздохнуть, уходя на войну. Но старый Ермоланч, принявший вздох Маныкина за выражение печали, глубоко ошнелся.

Дёме, дёме! — повторил столарь, подходя к столу, покрытому белой филейной скатертью и развешенной на стене сотни раз выданный фотографии. Да вот жалко, что не прямо на позиции. Смерть как хочется пострелять. Вёшь, ты знаешь, ружье-то у меня отобрано — свидетельство не имёл. Тоска, ей-Богу. За всю зиму ни разу не цукнуть. А пушники, как нарочно, видимо-невидимо. Вёришь слову, лещиц этих, зайчат — вся округа помкну- лась. И волк есть... есть волк...

Говоря это, Маныкин сам напоминал волка, молодого, подбористого, готового каждую минуту схватить добычу. Глаза столара тихо поблескивали, а руки, мозо- листые, пропитанные смолой и лаком, нетерпеливо тор- мошили шёлковую шапку-треуху.

— Это сь войны набёжали, безирембно оттуда, — ска- зал Ермоланч.

— Я тоже так думаю. Ах ты, пизда неточная! Тут бы, понимаешь, душу отвести, по снёжку, этак, пробё- жаться утречком, — пёг, поди жь ты! — как на это ружье отобрано. Ты, пожалуйста, Степань Ермоланч, сходи — по- сойти за труд — к уряднику, скажи, чтобы жену ружьишко отдал. Вернусь с войны — пострелю; геб безирембно лнеу на шапку, а не вернусь — Наталья да двё краснень- ких продаст кому-нибудь. Вёшь ружью-то цёны нёту, как не было цёны Павлу... Ириномню же я краснень- ким своего друга!

Маныкин говорит все это таким тоном, как будто не ему предстояло через пять-шесть часов ёхать в ту- бернский город, где формируется дружина на Кавказ, и где он присягнет защищать свое отечество до послед- ней капли крови. Столяр был совершенно спокоен.

— Вот это дёло... Это по-нашему... Любо таких... Эх, Митюша! Если бы не снёло тут, Ермоланч по- хлонал себя по горбу, — восемь десятков сь гаком, по- шель бы и я. Уж больно мнё хочется хоть глазком одним глянуть на ясного сокола нашего, на Главноко- мандующего войсками. Отец, Царство Небесное! — был орел, а этот, говорят, вёшь орлом орел. Велзнуть бы и умереть. Да куда уж мнё... Ты вот что, дорогой мой, коли придется тебё увидеть в лицо Великого Князя, перекрести его ладью и впомни в ту пору обо мнё. Оно выйде так, как будто это я перекрестил. Не за- будь, родной!

Ермоланч открыл старый потертый сундучок, сто- явший около лежанки, порылся в каких-то пестрых тряпичках, сузуть что-то в карман и опять закрыл сундучок.

— Безирембно, Степань Ермоланч, исполню. А тут молишь обь нас, грёшных... Мотива — она чудеса дёласть... Ну, а теперь прощай!

Ермоланч перекрестил Маныкина, трижды поцёло- вался с ним и торопливым недоким движением что-то опустил ему в ладонь.

Вольми, вольми... Мы старие — нам не надо. А твой приодит... Бери, бери...

— Бабушка, прощай!.. Не слышит... все качается...

Столяр и старый сапожник вышли на улицу. Неполоским аквариумным куполом висело надь землей вечернее небо, а за этим куполом, сквозь без- численные маленькие отверстия, видёлся какой-то золотой, ослепительный мир.

Звёздочек-то! Не перечесть. — мечтательно-грустно



На кавказском фронте. Артиллерийские парки во время боя у Эрзерумских фортов.

сказал Ермоланчъ, прикрывая ладонью стынувшую лысину. — Бывало, на Балканахъ — выйдешь, тишина кругомъ, слыть, только въ горахъ морозъ постукиваетъ... а мы идемъ и глядимъ, глядимъ на звѣздки... Въдъ каждая звѣзда — это душа чело-вѣческа. И съ каждымъ годомъ звѣздочекъ становится больше, какъ закроютъ все небо сплошь, такъ, слышать и, и свѣту конецъ... — Да, чудеса... Въдъ тамъ будемъ... А только стрѣляють охота. Какъ придѣ въ дѣйствующую армію, первымъ дѣломъ въ раз-вѣду напрошусь, — продолжать свое Маневры.

Онъ еще разъ поцѣловалъ со старикомъ и свернулъ за уголъ. Ермоланчъ долго стоялъ за калиткой, придушиваясь къ тому,

какъ вътеръ перебиралъ тонкій стеклярусь на обледѣвшихъ вѣтвяхъ дуплистой, похожей на огромнаго сыча, лозинѣ. Вотъ на горизонтѣ что-то всыхнуло, зашело, какъ зарево пожара, и по-внело надъ сумрачно-бѣлыми полями продолговатымъ, мягко растущимъ пятномъ. Это на лаводѣ спускали штакъ. Тремя огромными пальцами установилъ въ небо иро выхваченныя изъ мрака кирпичныя трубы, словно земля указывала людямъ на то, что они забыли. Но одинъ только старый саножникъ видѣлъ и понять указующій жестъ земли, понять и умилился душой, и ему уже не было жутко возвращаться домой къ тихому безумію своей материнской несчастной старушки.

Всероссійскій съѣздъ военно-промышленныхъ комитетовъ.

Неожиданная смѣна перваго побѣднаго періода русско-герман-ской войны горестными неудачами на Карпатахъ, въ Подыиѣ и въ Курляндіи, вызванными недостаткомъ вооруженія и исто-щеніемъ снарядовъ, въ силу недостаточной производительности и общей дезорганизованности тыловыхъ учреждений, — пробудила русскія общественныя силы и заставила ихъ прийти на помощь

ссылкою одного изъ ораторовъ съѣзда, князя Львова, на надпись, дѣлаемую рабочими на артиллерійскихъ ишникахъ, посылаемыхъ на фронтъ: «Снарядовъ не жать!».

Несравненно ярче, отчетливѣе и точнѣ были подчеркнуты на съѣздѣ чисто-общественные и политическіе итоги предпринятой работы. При открытіи съѣзда, на которомъ присутствовало много



А. И. Коноваловъ.

Второй всероссійскій съѣздъ военно-промышленныхъ комитетовъ, засѣдавшій въ Петроградѣ въ концѣ февраля с. г. По фот. Я. Штейнберга.

военному вѣдомству въ дѣлѣ защиты родины. Само правитель-ство убѣдилось, что для борьбы съ Германіей и побѣды надъ ней ему кромѣ вѣдѣнныхъ союзниковъ нужны еще и союзники вну-тренніи — русское общество, русскій народъ. Великая битва на-родовъ съ многомилліонными арміями, съ десятками тысячъ ору-дій и пулеметовъ, съ милліардами снарядовъ, съ безконечными обозами грузовыми, паровыми и автомобильными требуетъ ко-лоссальной организационной дѣятельности въ тылу. По Царскому призыву къ общественной помощи откликнулись вся дѣловая Россія и подъ руководствомъ военно-промышленныхъ комитетовъ приспособила къ военнымъ нуждамъ огромное число всевозмож-ныхъ заводовъ, мастерскихъ и фабрикъ. Послѣ перваго, чисто-организационнаго съѣзда военно-промышленныхъ комитетовъ со-здалъ былъ въ концѣ февраля с. г. второй съѣздъ, который дол-женъ былъ подвести итоги первымъ семи мѣсяцамъ работы но-вой организациіи, выяснивъ сказавшіеся недостатки и указать на необходимыя узученія.

Необходимость соблюденія военной тайны не дава возможности ознакомить общество съ общими итогами семимѣсячной работы нашей мобилизованной промышленности. Мы не знаемъ, что успѣли сдѣлать для нуждъ арміи объединенные подъ руковод-ствомъ комитетовъ промышленники, не знаемъ, во что обошлась и что дала имъ помощь государству, мы не слышали никакихъ точныхъ цифръ, но уже ничто не сомнѣвается въ томъ, что наши арміи теперь не стоятъ безоружными передъ врагомъ, что онѣ навсѣгда уже вышли изъ роли живой мишени для артиллеріи противника и на его смертоносный ураганный огонь отвѣчаютъ въ близкихъ весеннихъ сраженіяхъ не менѣе смертоноснымъ и не менѣе разрушительнымъ огнемъ. Вся статистика работъ мобили-зованной промышленности, въ сущности, исчерпывается только

членовъ Государственной Думы, Государственнаго Совѣта, главный интендантъ генералъ Шуваевъ и представители вѣдомствъ, пред-сѣдатель съѣзда А. И. Коноваловъ произнесъ горячую патриоти-ческую рѣчь. Онъ сказалъ, что «мировая война не только не на-сеходъ, но еще, повидному, не достигла своего высшаго предѣла. Опасность еще не миновала. Врагъ будетъ сломленъ лишь въ длительномъ процессѣ борьбы, при величайшемъ напряженіи всѣхъ національныхъ силъ. Съ безмернымъ героизмомъ, съ желѣзной стойкостью и мужествомъ бьется наша доблестная армія за честь и свободу Россіи.

«Величайшій долгъ страны облегчить ей эту борьбу, обезпечить побѣду, подчинивъ всѣ свои производительныя силы дѣлу снаб-женія и снаряженія арміи всѣмъ ей необходимымъ.

«Въ общенациональной борьбѣ съ врагомъ, поднявшей и сплотившей всѣ живыя силы страны, на долю военно-промышлен-ныхъ комитетовъ выпалъ тяжелый и отвѣственный трудъ прийти на помощь государственной власти въ осуществленіи задачи мо-билизаціи нашихъ промышленныхъ силъ.

«Чувство полнаго удовлетворенія вызвали во всѣхъ дѣятеляхъ военно-промышленныхъ комитетовъ признаніе полезности ихъ тру-дѣ со стороны руководящаго большинства Государственной Думы и рѣчь М. В. Родзянко. Государственная Дума, призванная стоять на стражѣ всего дѣла національной обороны, своей мо-ральной поддержкой русской общественности совершила великое дѣло. Наше горячее желаніе — да будетъ прочной теоретическая дѣятельность Государственной Думы по укрѣпленію въ странѣ порядка и законности, и да будетъ непрерывнымъ благовопное теченіе ея работъ, необходимыхъ для блага родины, для нашей побѣды. (Длинные аплодисменты).

«Въ настоящій моментъ, — закончилъ свою рѣчь А. И. Коп-

валовъ, — всѣ наши помыслы тамъ, на поляхъ, гдѣ наша доблест-ная армія защищаетъ честь и свободу Россіи. И первый нашъ долгъ выразить чувство безконечнаго преклоненія передъ арміей, передъ ея подвигами. Чувство нашей гордости ея успѣхами, вы-растить неуклончивую вѣру въ конечное ея торжество и побѣду.

«Я предлагаю телеграммой привѣтствовать нашу армію въ лицѣ вѣнчающаго Вождя Государя Императора».

Предложеніе это было единодушно принято подъ громъ апло-дисментовъ, точно такъ же, какъ и предложеніе послать привѣт-ственную телеграмму Главнокомандующему доблестной кавказской арміи Великому Князю Николаю Николаевичу.

Такъ же единодушно принимается предложеніе привѣтствовать генерала Рузскаго, нашихъ вѣрныхъ союзниковъ — французскую и англійскую армію и бельгійскій народъ.

Въ отвѣтъ на всеподданнѣе обращеніе съѣзда была получена телеграмма съ Высочайшимъ привѣтствіемъ съѣзду:

«Сердечно благодарю всѣхъ собравшихся на второй всерос-сійскій съѣздъ представителей военно-промышленныхъ комите-товъ за ихъ готовность работать съ полнѣмъ напряженіемъ силъ. Отуманяющія съѣздъ чувства служатъ для Меня ручательствомъ успѣшной дѣятельности всѣхъ военно-промышленныхъ органи-зацій и даютъ увѣренность въ томъ, что наши доблестныя поиски будутъ снабжены всѣмъ необходимымъ для окончательной побѣды надъ врагомъ».

Н. И. КОЛАН.

Отъ Великаго Князя Николая Николаевича была получена слѣдующая отѣтная телеграмма:

«Отъ лица героическихъ войскъ кавказской арміи и отъ себя лично горячо благодарю второй съѣздъ представителей военно-промышленныхъ организацій за привѣтствіе по случаю взятія Эрзерума. Каждый разъ при вѣсти объ успѣхахъ дорогихъ на-шихъ войскъ дѣтели военно-промышленныхъ и другихъ обще-ственныхъ организацій, трудящихся надъ дѣломъ государственной обороны, моютъ съ чувствомъ удовлетворенія сознавать, что по-бѣды, радующія всю Россію, подготовлены въ значительной сте-пени и ихъ патристическими неустанными трудами. Готовность общественныхъ силъ Россіи и впродѣ всѣмъ содѣйствовать окончательному торжеству русскаго оружія служить лучшимъ залогомъ и дальнѣйшимъ его успѣхомъ».

«Генералъ-адъютантъ Николай».

Были заслушаны также телеграммы отъ главнокомандующаго арміями сѣвернаго фронта ген-адъютанта Куропаткина, отъ героя Эрзерума ген. Юденича, военнаго и морского министровъ, отъ главнокомандующаго арміями западнаго фронта генерала Эверта, командующаго Балійскимъ флотомъ адмирала Каннина и Черно-морскимъ флотомъ адмирала Эбергарда.

Отъ имени черноморской столицы привѣтствовать съѣздъ, московскій городской голова М. В. Челюковъ.

Общее сочувствіе вызвала прочитанная представителемъ ра-бочей группы Гвоздевымъ декларация, выражающая отношеніе русскихъ рабочихъ къ мировой войнѣ. Декларация свидѣтель-ствуетъ, что русскіе рабочіе дѣйствуютъ въ полномъ согласіи съ идеей защиты народовъ отъ военныхъ нападений и являются сторонниками энергичнаго участія пролетаріата въ самостоятель-ной защитѣ въ тѣхъ странахъ, для которыхъ война создаетъ опасность разгрома.

Другой представитель рабочей группы, Чергородцевъ, прочи-талъ докладъ о тѣсной связи продовольственнаго кризиса съ ра-бочимъ вопросомъ.

Докладчикъ отрицать увеличеніе заработной платы рабочихъ. Свѣ-дѣнія эти не соответствуютъ дѣйствительности. Такъ, въ текстиль-ной промышленности заработная плата увеличилась на 15—20%, а пищевые продукты удорожали на 30—40%.

По итѣнію докладчика, долженъ быть организованъ центральный органъ регулированія продовольственнаго дѣла. Очередной за-дачей должно явиться созданіе на ряду съ союзомъ земствъ, го-родовъ и военно-промышленныхъ комитетовъ, всероссійскихъ союзовъ кооперативовъ.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ „НИВЫ“.

При этомъ номерѣ „Нивы“ разсылаются всѣмъ гг. подписчикамъ вторая изъ даваемыхъ нами въ приложеніе карты:

„Карта военныхъ дѣйствій западнаго (русскаго) фронта“.

Считаемъ долгомъ предупредить нашихъ подписчиковъ, что карта вложена въ каждый безъ исключенія экземпляръ этого номера „Нивы“, и потому при полученіи номера подписчику надлежитъ убѣдиться, вложена ли въ бандероль съ номеромъ карта, и въ противномъ случаѣ, не принимая номера, требовать составленія акта, для чего немедленно заявить объ этомъ (лично или письменно) начальнику мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Подобное же заявленіе слѣдуетъ также немедленно прислать и намъ, и мы спѣшно примемъ всѣ мѣры къ разсыланію карты и къ выясненію виновниковъ похищенія.

Общую сводку официальныхъ статистическихъ данныхъ по про-дольственному вопросу дать статистикъ Прокопоницъ. Доклад-чикъ сообщилъ, что цѣны на хлѣбные продукты къ декабрю прошлаго года поднялись въ Москвѣ до 160%.

Размѣръ посяганія площади сократился не менѣе, чѣмъ на 20%. Сильно уменьшилось и количество скота. Количество сельскохозяиственныхъ орудій недостаточно. Если мы не остано-вимъ продовольственнаго кризиса, онъ такъ ударитъ населеніе въ тылу, что окончательно оставитъ нашу родину. Ораторъ ука-залъ на бюрократическій характеръ особаго совѣщанія по про-дольственному дѣлу. Несмотря на то, что оно наполовину об-щественное, все-таки въ немъ роль общественныхъ дѣателей сводится къ нулю. Вся исполнительная власть сосредоточена въ рукахъ министра — предсѣдателя совѣщанія. Практическая работа совѣщанія зависитъ исключительно отъ воли предсѣдателя. Не мѣстахъ политическая дезорганизация. Комитетъ пяти министровъ направляетъ всю дѣятельность особаго совѣщанія. Докладчикъ пришелъ къ выводу, что необходима мощная общественная орга-низация, которая привлечетъ на себя всю борьбу съ продовольствен-нымъ кризисомъ и предупредитъ нечеловѣчныя гримасы намъ быдталы.

Недовѣрчивое и даже враждебное отношеніе къ военно-про-мышленнымъ комитетамъ наблюдается со стороны нѣкоторыхъ вѣдомствъ. Докладчикъ Коншинъ назвалъ комитеты „пасыками“, которые встрѣчаютъ на своемъ пути всяческія затрудненія. По его мнѣнію, для болѣе тѣснаго сотрудничества вѣдомствъ и военно-промышленныхъ организацій можно допустить даже милли-таризацію тѣхъ заводовъ, которые уже приспособлены для изго-товленія предметовъ военнаго снаряженія. Предлагается также создать, по примѣру Англій, особое министерство государственной обороны и независимо отъ этого привлечь къ власти лицъ, поль-зующихся общественнымъ довѣріемъ.

Другіе ораторы отмѣчали упадокъ воодушевленія въ военно-промышленныхъ кругахъ и ставили это явленіе въ связь съ отрицательнымъ отношеніемъ гражданской администраціи къ работѣ комитетовъ. По мнѣнію представителя красноярскаго ко-митета, необходимо опредѣленно заявить, что, пока у власти будутъ стоять люди безответственные, до тѣхъ поръ и власть на мѣстахъ безответственна, и работа общественныхъ силъ будетъ встрѣчать всяческое противодѣйствіе.

Докладъ одного изъ видныхъ дѣателей центрального военно-промышленнаго комитета, профессора Зернова, носилъ болѣе объективный и строго фактический характеръ. Онъ не отрицаетъ нѣкоторыхъ недостатковъ въ работѣ комитетовъ, замѣчая, что въ исполненіи заказовъ и проч., но считаетъ ихъ временными и проходящими и выражаетъ увѣренность, что теперь, когда орга-низационная работа комитетовъ закончена, они употребятъ всѣ усилія къ наиболее успѣшному выполнению заказовъ, въ выпол-неніи которыхъ произошла задержка, а также урегулируютъ и вопросъ о цѣнахъ на передаваемые къ исполненію предметы. Къ этому пожеланію съѣздъ долженъ отнестись съ особымъ внима-ніемъ и посмотреть на него не какъ на ныпадъ вѣдомства, а какъ на справедливое требованіе членовъ законодательныхъ палатъ, которые входятъ въ составъ особаго совѣщанія по обо-ронѣ.

Но словами докладчика, придавая мѣрамъ къ ускоренію зака-зовъ рѣшающее значеніе, центральный комитетъ выдвинулъ проектъ учрежденія инспекцій, которыя должны состоять въ вѣдѣніи областныхъ комитетовъ, слѣдить за выполненіемъ зака-зовъ и принимать мѣры къ устраненію всѣхъ возникающихъ препятствій.

Н. Н. Саввинъ сдѣлалъ обстоятельный докладъ о всѣхъ пре-пятствіяхъ, возникающихъ въ работѣ механическаго отдѣла, а также о достигнутыхъ результатахъ. Въ послѣднее время работы по выполненію заказовъ на различные предметы снаряженія идутъ болѣе успѣшно, и въ скоромъ времени можно рассчитывать, что вообще это дѣло пойдетъ нормальнымъ темпомъ.

Огромное практическое значеніе имѣють резолюціи съѣзда о железнодорожныхъ перевозкахъ. Съѣздъ призналъ, что первое-

зачное дѣло въ Россіи находится въ состояніи серьезнѣйшаго кризиса, и потребовать принятія слѣдующихъ срочныхъ и энергичныхъ мѣръ къ устраненію возникшихъ затрудненій и неполадковъ:

1) восстановление на сѣти единой власти министра путей сообщенія; 2) уничтоженіе излишней централизаціи въ Петроградѣ распорядительныхъ и хозяйственныхъ функций управленія сѣтью; 3) разработка согласованнаго съ государственными и общественными потребностями общаго плана перевозокъ и простыхъ приемовъ регулировки движенія вмѣсто парящихъ нынѣ хаоса и запутанности; 4) необходима неотлагательная выработка подробнаго плана возобновленія и ремонта паровозовъ и вагоновъ; 5) необходимо неотложное и искреннее привлеченіе къ дѣятельному участію въ упорядоченіи перевозокъ пораженныхъ комитетовъ съ надѣленіемъ ихъ нужными правами, полномочіями и средствами.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумскаго.

Сраженіе на нашемъ фронтѣ.

Послѣдній періодъ передъ распутицей ознаменовался довольно значительнымъ наступленіемъ нашихъ войскъ. Это наступленіе, имѣвшее мѣсто послѣ длительного, почти нѣтъмѣсячнаго періода затишья, было сочтено многими за начало тѣхъ крупныхъ операцій, которыя, какъ извѣстно, ожидаютъ съ началомъ весны.

Дѣйствительно, нельзя не признать, что для нѣмцевъ вообще было бы крайне важно начать операціи на нашемъ фронтѣ въ нынѣшнемъ году возможно раньше. Они сами всегда подчеркивали, что неудача Наполеона въ 1812 году произошла въ значительной степени отъ того, что онъ поздно началъ кампанію, а именно, началъ ее среди лѣта, 9-го іюня, переправой черезъ Нѣманъ у Ковны и, благодаря этому, потерялъ два мѣсяца теплаго времени. Это вынудило, по мнѣнію нѣмцевъ, Наполеона къ форсировкѣ операцій и было одной изъ причинъ, вызвавшей вмѣстѣ съ другими распаденіе великой арміи.

Объ этомъ намъ уже приходилось упоминать, и мы отмѣчали, что нѣмцы въ прошломъ году начали кампанію 18-го апрѣля, считывая, что за пять теплыхъ мѣсяцевъ имъ удастся съ меньшей торопливостью, а слѣдовательно и съ болѣе развѣреннойностью выполнить намѣченный походъ. Опытъ этого наступленія, какъ извѣстно, обнаружилъ, что нѣмцы, намѣревавшіеся пройти свыше 400 верстъ до Днѣпра, въ теченіе перваго лѣта войны оказались въ состояніи пройти только 200 верстъ, и въ то время, какъ Наполеонъ въ два съ лишнимъ мѣсяца все же какъ-никакъ дошелъ до Москвы, нашъ нынѣшній противникъ черезъ пять мѣсяцевъ сумѣлъ только застрять въ Пинскихъ болотахъ.

Это дало основаніе предполагать, что нѣмцы въ нынѣшнемъ году начнутъ кампанію не въ апрѣлѣ, а въ мартѣ, но климатическія условія, въ силу которыхъ распутица въ нынѣшнемъ году должна была наступить приблизительно въ то же время, какъ и въ прошломъ году, несомнѣнно въ значительной степени мѣшали столь раннему наступленію нѣмцевъ. Поэтому, когда начались бои на нашемъ фронтѣ, вообще было мало оснований видѣть въ этомъ большое нѣмецкое наступленіе, ибо оно все равно должно было прерваться черезъ двѣ-три недѣли вѣдствіе распутицы, а между тѣмъ нѣмцы, въ томъ числѣ и самъ Гинденбургъ, всегда заявляли, что, если они предпримутъ что-либо на нашемъ фронтѣ, то лишь крупное. Вполнѣ понятно, что ничего крупнаго нѣмцы не могли даже и замышлять въ мартѣ мѣсяцѣ, въ виду того, что всякіе крупныя планы были бы парализованы неизбежной распутицей.

Съ другой стороны, въ тотъ моментъ, когда началась операція на нашемъ фронтѣ, нѣмцы были въ значительной степени связаны операціями у Вердена. Весьма серьезное „кровопусканіе“,

на ряду съ этимъ настоятельно требуется и самая безпощадная и энергичная борьба съ создавшейся вокругъ дѣла перепозки деморализующей атмосферой безответственныхъ воздѣйствій, своеволия, взяточничества и иныхъ преступленій, совершаемыхъ далеко не одними железнодорожными агентами.

Эта борьба явилась непосильна для власти, ни путемъ административной ни судебной репрессій. Ее должна взять въ свои руки русская общественность въ союзѣ съ организованными силами железнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ.

Второй сѣздъ военно-промышленныхъ комитетовъ поручилъ центральному комитету разработать принципы и конкретные пути къ организаціи общественнаго контроля на мѣстахъ и вообще продолжать его работу по устраненію наблюдаемыхъ разстройствъ транспорта, ибо въ упорядоченіи работы дорогъ — одинъ изъ серьезнѣйшихъ залоговъ правильной организаціи тыла и побѣды надъ врагомъ.

учиненное французами нѣмцамъ подъ Верденомъ, не могло не сказаться на итисивности нѣмецкихъ операцій, почему и трудно было ожидать отъ нѣмцевъ одновременнаго наступленія на восточномъ и на западномъ фронтахъ. Наконецъ, за все время войны можно было наблюдать, что нѣмцы строго придерживаются правила наступать только на одномъ фронтѣ, при обязательной оборотѣ на всѣхъ остальныхъ фронтахъ, — правила, котораго придерживался еще Наполеонъ въ своихъ войнахъ съ коалиціями.

Всѣ эти соображенія совершенно исключали возможность для нѣмцевъ начать наступленіе на нашемъ фронтѣ въ періодъ передъ распутицей, и это давало основаніе предполагать, что бои на нашемъ фронтѣ завязались главнымъ образомъ по нашей инициативѣ. Изъ германскихъ официальныхъ сообщеній, говорившихъ о значительномъ наступленіи нашихъ войскъ, а также изъ нашихъ сообщеній о завязавшихся сраженіяхъ можно было также видѣть подтвержденіе того обстоятельства, что наступленіе вызвано исключительно нашей инициативой.

Раіономъ операціи стали два соседніе участка фронта: прѣжде всего весь сѣверный фронтъ, т.е. фронтъ Риги-Двинскій, а затѣмъ соприкасающийся съ этимъ фронтъ участокъ западнаго фронта, вѣрнѣе сказать, участокъ между Двинскимъ и Виленскимъ раіонами. Наше наступленіе въ первые же дни дало прорывъ непріятельскаго фронта въ Якобштадтскомъ раіонѣ, и сверхъ того завязались довольно упорные бои впереди Риги. Въ Якобштадтскомъ раіонѣ противникъ вынужденъ былъ уступить намъ позицію близъ Августингофа и понести значительныя потери. Прорывъ, имѣвшій мѣсто на Якобштадтскомъ участкѣ, какъ вполнѣ вѣдствіи выяснилось, былъ неглубокъ и имѣлъ по преимуществу тактическое, т.е. мѣстное значеніе. Противникъ, подтянувшій вскорѣ свои резервы, пытался возстановить свое положеніе въ Якобштадтскомъ раіонѣ, вѣдствіе чего здѣсь завязались упорные бои.

Бои у Риги не дали опредѣленнаго колебанія въ ту или другую сторону и вполнѣ вѣдствіи вылились въ ожесточенную артиллерійскую перестрѣлку обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ на сѣверномъ Риги-Двинскомъ фронтѣ первые дни наступленія дали продвиженіе нашихъ войскъ впередъ преимущественно въ Якобштадтскомъ раіонѣ. На другомъ участкѣ атакованнаго нѣмецкаго фронта, т.е. между Двинскимъ и Виленскимъ раіонами, бои имѣли болѣе оживленный характеръ. Здѣсь, какъ извѣстно, имѣется цѣлая сѣть озеръ, въ промежуткахъ между которыми противникъ занимаетъ укрѣпленныя позиціи. Эти промежутки, образующіе узкіе коридоры, — дефиле между озерами, — представляютъ весьма низкими позиціями, такъ какъ фланги этихъ позицій обезпечены озерами, и это вынуждаетъ къ фронтальной лобовой атакѣ. Тѣмъ не менѣе наши войска въ этомъ раіонѣ достигли наиболѣе

успѣховъ, занявъ сѣверо-западнѣе Поставы (въ Свенцяномъ направленіи) рядъ параллельныхъ окоповъ противника и въ то же время южнѣе, между озерами Нарочь и Винневское (въ направленіи Петроградъ-Варшавской дороги, южнѣе Свенцяны) взяли съ боя также рядъ укрѣпленныхъ позицій противника. При этомъ въ обѣихъ раіонахъ было взято около 1.500 плѣнныхъ германцевъ, въ томъ числѣ 20 офицеровъ, одно шестидюймовое орудіе, 22 пулемета, бомбометы и минометы, запасы снарядовъ и патроновъ и прочіе трофеи.

Изъ этого можно видѣть, что изъ двухъ нашихъ ударовъ, — одного на Риги-Двинскомъ фронтѣ, а другого южнѣе Двинска, въ Свенцяномъ направленіи, — наиболѣе сильнымъ былъ второй ударъ. Это вполнѣ предопредѣляетъ, что изъ этихъ двухъ раіоновъ бои наиболѣе важнымъ былъ раіонъ озеръ Нарочь-Винневское и мѣстечка Поставы, гдѣ и былъ главный очагъ сраженія.

Если обратить вниманіе на взаимное расположеніе сторонъ на всемъ нашемъ фронтѣ отъ Балтійскаго моря до Румыніи, то можно видѣть, какъ мы уже неоднократно отмѣчали, что наиболѣе слабымъ представляется расположеніе противника на Риги-Двинскомъ фронтѣ. Дѣйствительно, опытъ нашего послѣдняго наступленія въ мартѣ мѣсяцѣ вполнѣ подтвердилъ, что армія Белова, противушавшая отъ Риги до Двинска, чувствуетъ себя не достаточно устойчиво. Это мы вообще отмѣчали во всѣхъ нашихъ статьяхъ въ теченіе зимы, это и давало намъ основаніе предполагать, что всѣ соображенія о томъ, что противникъ будетъ угрожать Ригѣ и Двинску, въ высокой степени маловероятны.

Поэтому вообще можно было ожидать къ какому-либо серьезнаго развитія событій лишь на всѣхъ остальныхъ участкахъ фронта, кромѣ Риги-Двинскаго участка, и вопросъ сводится къ тому, гдѣ это оживленіе представляется наиболѣе вѣроятнымъ: на участкѣ отъ Двинска до Пинскихъ болотъ, или же на югѣ, на участкѣ отъ Пинскихъ болотъ до Румыніи, т.е. на Галиційско-Волынскомъ фронтѣ.

Для того, чтобы болѣе или менѣе разобраться, на основаніи тѣхъ общихъ данныхъ, которыя опубликованы, необходимо обратить вниманіе на то, что весьма серьезнымъ оборонительнымъ раіономъ противника являются Пинскіе болота. Еще прошлымъ лѣтомъ, задолго до окончанія наступленія нѣмцевъ, германскій канцлеръ намекалъ въ рейхстагѣ, что достиженіе Пинскихъ болотъ дастъ весьма выгодный опорный раіонъ для нѣмцевъ и позволитъ имъ сократить фронтъ своихъ войскъ на востокъ.

Значеніе Пинскаго раіона для противника сводится главнымъ образомъ къ тому, что, благодаря труднопроходимости этого раіона и многочисленнымъ укрѣпленіямъ, возведеннымъ здѣсь противникомъ за зиму, Пинскій раіонъ образуетъ собою нѣчто въ родѣ опорной крѣпости, составляющей основаніе всего расположенія противника на нашемъ фронтѣ. Поэтому вполнѣ естественно ожидать какихъ-либо наступательныхъ попытокъ противника преимущественно поблизости Пинскаго раіона, т.е. всего вѣроятнѣе, что противникъ будетъ пытаться продвигать впередъ участки, соседніе къ Пинскому раіону. Какъ извѣстнѣе, при налицѣ какой-либо крѣпости, нѣмцы пытаются всегда опереть обѣ эту крѣпость одинъ флангъ своихъ войскъ и выдвинуть сосредоточенный войска на другомъ флангѣ.

Все это давало основаніе предполагать, что Пинскій раіонъ, по всей вѣроятности, будетъ той опорной точкой, опираясь на которую соседнія къ этому Пинскому раіону арміи противника придутъ въ движеніе. Отсюда наиболѣе вѣроятнымъ представлялось оживленіе фронта вѣдствіи отъ Пинскихъ болотъ и вправо отъ нихъ, т.е. оживленіе фронта къ сѣверу и къ югу отъ Пинскихъ болотъ. Такими участками фронта и являлись участки верхняго Нѣмана и озеръ (отъ Пинскихъ болотъ до Двинска) и участокъ къ югу отъ Двинска, такъ называемое Ровненское направленіе.

Именно на этихъ участкахъ и затронули послѣднія операціи нѣмцевъ въ прошломъ году: сѣвернѣе Пинскихъ болотъ нѣмцы пытались закончить свою прошлагоднюю операцію виленскими обхватомъ и свенцянскимъ прорывомъ, но, какъ извѣстно, по-



Забайкалецъ. Картина И. Владимірова.
(XXXV выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ 1916 года).

терпѣли здѣсь неудачу, а южнѣе Пинскихъ болотъ противникъ долго велъ наступательныя операціи на рѣкѣ Стири — даже осенью, т.е. по окончаніи своего большаго наступленія.

При такихъ условіяхъ Свенцяно-Виленскій участокъ съ одной стороны и участокъ отъ Пинскихъ болотъ съ другой стороны являются наиболѣе „впечатлительными“, и нѣтъ ничего удивительнаго, что на одномъ изъ этихъ участковъ, а именно на Свенцяно-Виленскомъ, и разыгралось послѣднее мартовское наступленіе. Это наступленіе, имѣвшее главнымъ образомъ цѣлью упрочить линію фронта къ предстоящей распутицѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло бы показнато, что именно на этомъ участкѣ слѣдуетъ ожидать начала крупныхъ событій предстоящей весной. Самая же мартовская операція, какъ имѣвшая частной задачей исправленіе фронта, неизбежно должна была закончиться къ распутицѣ, которая, по примѣру прошлаго года, ожидалась приблизительно послѣ 20-го марта.

Конечно, нельзя не видѣть, что мартовское наступленіе, какъ операція, веденная въ довольно крупномъ масштабѣ, имѣло также частныя и стратегическую цѣль, а именно содѣйствовать французамъ подъ Верденомъ, подобно тому, какъ Буковинская операція имѣла цѣлью оттянуть Макензена съ Балканъ, т.е. содѣйствовать союзникамъ у Салоники. Эта стратегическая цѣль — содѣйствие союзникамъ у Вердена — была достигнута сравнительно скоро, ибо нѣмцы при первыхъ же ударахъ нашихъ войскъ на Риги-Двинскомъ фронтѣ и въ Свенцяномъ направленіи начали уносить нѣкоторыя части съ западнаго фронта на восточный, при чемъ замѣняли увозимыя части на французскомъ фронтѣ вновь сформированными частями германскаго ландштурма, доставленнаго изъ Германіи.

Объединеніе Европы.

(Политическое обозрѣніе).

Одна изъ главныхъ причинъ медленности нынѣшней войны заключается въ томъ, что она ведется противниками далеко не равными средствами: въ то время, какъ всѣ наши враги — австріяцы,

венгерцы, турки, болгары и нѣмцы какъ бы слились въ одно тѣло и слѣпо повинуются въ каждомъ движеніи своему мановенію руки императора Вильгельма, мы и наши союзники, напро-

KKBA

THE KANSAS KIBBING ASSOCIATION



Н К В А

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ПОИСК



Н К В А

Специальный отдел НКВД РСФСР



Н К В А



Н К В А



С. 12

Н К В А

Специальный отдел НКВД РСФСР

